

Мария Бородина

СОТКИ

Повесть

Расширяет зрачки простор речной поймы. Движение взгляда длится, пока не упирается в смыкание земли и неба. По пути к горизонту зрение вбирает то мелкие формы, то крупные объёмы на поверхности.

Насытилось зрение. Веки закрываются. В темноте ноздри ещё искательней втягивают насыщенный живыми запахами воздух.

От сильного толчка изнутри глаза распахиваются. Нет ли опасности?

Всё спокойно. По голубизне неба блуждают отдельные облака. На пойменном лугу тихо шевелятся растения, кое-где достигающие древесной высоты.

А берег реки становится всё ближе. И кожа всё явственней ощущает бархатистую речную свежесть.

Чем не подходящая обстановка для возникновения иллюзии, что в этом реально существующем месте миропорядок устойчив и гармоничен. Ритмы разнообразных в нём жизней не сталкиваются, подминая друг друга, а сосуществуют в согласии. Иллюзия эта вполне может длиться, пока поверхность взгляд или не наступает момент ухода из этого кажущегося райским места.

Пока момент этот ещё не наступил, самое время сбросить с ног обувь и голыми ступнями ощутить тёплую пружинящую тропку под ногами. Почему бы не сбросить с себя и одежду? Тогда всю поверхность чуть прикрытого тела охватят невесомо текущие потоки воздуха. Напор их лёгок и бодрящ.

При первом шаге в реку вода доходит до щиколоток. Когда достигает плеч, ноги отталкиваются от дна. Движение брассом рассекает речную податливую плоть.

Прыгучий подъём на другой берег, где продолжение поймы. Тут она болотиста и бугриста. Никем, кроме растений, не занята. Лишь на самом горизонте видны зубцы многоэтажек. Там начинается поделённая людьми, застроенная территория.

И снова лицом к реке. И долгий, как сама пойма, вдох. Затем бросок в воду и – на тот берег. Вдоль дальнего его края проложено шоссе. За ним есть ход к дачному посёлку. Он отсюда не виден, прикрыт далёкой полосой деревьев.

В этот дачный посёлок когда-то давным-давно стала превращаться деревня, в далёком прошлом состоявшая при ткацкой фабрике. От когдатошнего её существования остались развалины стен и заросшие обломки фундамента. Сам посёлок кое-где обновляется и прирастает новыми участками.

Вот такое место создала возможная там жизнь. Частью этой жизни стала более тридцати лет назад женщина, медленно идущая сейчас после купания к посёлку. Женщина эта рослая, плотно сбитая, тёмные стриженные волосы острыми концами находят на щёки. Под ноги она не смотрит, глядит твёрдо, по прямой вперёд, слегка склонив голову набок. Дойдя до каменистой придорожной полосы, надевает сандалии и бегом пересекает шоссе.

Вот она уже открывает калитку сада и по выложенной плитками дорожке идёт к длинному дому, сложенному из потемневших от времени бревен. Вид дома был бы более приятным, если бы не вклинившийся в фасадную стену металлический щитовой забор. Он давал понять, что жилище это поделено на двух хозяев. Идущая по дорожке женщина бросила в сторону забора тревожный взгляд.

– Ирина! – раздалось за её спиной.

Обернувшись, она встрепенулась и просветлела.

– Дядя Миха! А я думала, ты уже отправился в Калининград к своему Канту. Хорошо, что я ещё здесь, а не уехала в Москву. Какой ты молодец, что всё-таки выбрался.

Молодец этот, хотя и был в летах, но осанисто крепок, округло высок, может, правда, несколько грузен. Шевелюра его жёсткая, седеющая, была необыкновенно густа.

Вошли эти двое встретившихся в дом, где на кухне возилась женщина примерно одного возраста с приехавшим Михаилом, а в дальней комнате жилища раскладывала пасьянс самая старая его обитательница.

Женщину на кухне Михаил окликнул по имени Елизавета, а Ирина обняла со словом «мамулечка». Старуха за пасьянсом ничего этого не слышала.

Итак, все, необходимые для дальнейшего действия, лица обозначены. Теперь им предстоит обычный семейный обед, вполне спокойный: в этом доме не принято поднимать за столом

какие-либо волнения. Любые поползновения это делать кем-то обязательно пресекаются.

А вот после чая на свежем воздухе в саду под навесом можно перейти к беспокоящему и весьма неприятному делу.

Неожиданно стал накрапывать дождь. Воздух он, правда, не охлаждал, но создавал несколько давящую на организм атмосферу. Однако мозги должны работать чётко. Необходимо решить, как обуздать притязания соседей на часть земли, которая никак, никакой своей долей принадлежать им не может.

– Не может! – с жаром повторила Елизавета. – И вообще, похоже, безобразия повторяется.

Какое безобразие имеет в виду Елизавета? Видимо, то, что давным-давно, ещё в прошлом веке у её прадеда, инженера исчезнувшей ныне фабрики, отобрали часть принадлежавшей ему земли и построенного им дома. Это тогда называлось уплотнением. Когда это было? Кажется, в 1923 году.

В общем, так или иначе, но сейчас каким-то образом надо отстоять то, что осталось.

– Лизавета, успокойся! – призвал сестру Михаил. – Есть же официально утверждённый план участков. По нему Хвощёвы и покупали свой у прежних хозяев. Какие могут быть у них теперь претензии?

– Я же тебе говорю: они идут в суд с другим планом. В каких-то архивах его раскопали. Это, якобы, первоначальный, а, значит, по их мнению, самый верный план раздела земли. Так вот по этому их плану у них должно быть на две сотни больше. Не одиннадцать, как сейчас, а тринадцать. И в этом случае граница должна будет упираться в наше окно и наш чудесный клён. И клён погибнет! – Тут вдруг Елизавета опустила голову и отвергающе на что-то поморщилась. – Может, и чёрт бы с ними, с этими сотками, если бы граница прошла как-нибудь по-другому.

– Да уж эти границы! – подхватила Ирина. – Проведут чёрт знает как, а потом страсти кипят, у кого на что права.

– Что значит – «чёрт знает как»? – вскипела Елизавета. – Наши с Хвощёвыми участки разделены, как положено, по закону. Это Хвощёвым взбрестило переиначить утверждённый кадастровый план.

– Знаешь, мама, – устало проговорила Ирина, – этот спор выеденного яйца не стоит. Какой-то неизвестно где откопанный Хвощёвыми план! Какая в нём угроза? Вот у моих ювелиров, действительно, катастрофа. Реально отбирают помещение их

мастерских, и негде будет им работать. Выяснилось вдруг, что земля принадлежит муниципалитету, и у них на неё свои планы. Вот это кошмар! Они теперь не смогут взять у меня янтарь. А я на него кучу денег и времени потратила.

Ирина выговорила это с горячностью, но никого не всколыхнула. Мать её, Елизавета лишь неопределённо повела головой, а дядя Михаил незатейливо зевнул. Однако про потерю мастерских сказано было без расчёта на отклик, просто отчаянная констатация факта. Сообщив его, Ирина легко переключилась на другое:

– Внимание! – хохотнула она. – Бабушка проснулась. Идёт сюда.

При виде двигавшейся к ним старухи спины у всех, сидящих под навесом, в разной степени выпрямились. Шла эта очень уже давно живущая женщина выпрямлено, с твёрдо поднятой головой. Двигалась абсолютно устойчиво, отнюдь не мелким, а достойным шагом. На её крупном, в продольных морщинах лице было стойкое, можно даже сказать, окаменевшее спокойствие. Лишь бледно-голубые глаза с усмешливой живостью вглядывались в тех, кто был под навесом.

Дочь её, Елизавета напряжённо смотрела на приближение матери такими же, как у неё голубыми округлыми глазами, только более яркими и неистовыми. Михаил тоже следил за этим приближением, затаённо и нежно улыбаясь. Только Ирина не глядела на свою бабуку, стоя у дальней стойки навеса с опущенной головой.

Отстранённое спокойствие этой направлявшейся к навесу, самой старой обитательницы дома было, видимо, связано с тем, что она уже отпустила бразды правления над этим жилищем. Впрочем, такая твёрдо шагающая, с такой сильной прямой спиной особа вряд ли могла окончательно всё выпустить из своих рук. Что ж, время покажет. А пока можно сказать, что по документам она передала права собственности на дом и землю своей дочери.

Как же именовать эту идущую к навесу женщину? Лучше всего, пожалуй, Анной. Да, именно – Анна Андреевна. Корина. В девичестве Смагина. Внучка того самого Василия Смагина, который был первым владельцем и устроителем дома и земли, где и происходит сейчас действие. Только первоначально ему, инженеру ткацкой фабрики, принадлежала вся поделённая ныне земля и весь разделённый теперь дом. Раздел произошёл,

когда Василию Ильичу было около пятидесяти лет. Устоял тогда инженер, обустроил то, что у него осталось, и ушёл из жизни, когда Анне было один год.

Если числа отсчитывают время по прямой, то описываемые тут события делают петли и зигзаги. Их кривая доходит сейчас до того момента, когда прожившая до этой минуты восемьдесят с лишком лет, Анна Андреевна дошла, наконец, до навеса.

Под ним не все плетёные кресла были заняты, но Михаил вскочил со своего, предлагая матери в него сесть. Та отмахнулась и опустилась на другое.

– Вот что я вам скажу, – категорически заявила она, – мне только что приснился чудный сон. Вы все там, и ты, Михаил, и твой сын, и Елизавета с Ириной и младшим Мишей в одном детском возрасте, лет четырёх-пяти. Светлые личики, нежные ручки, лёгкие ножки. Движетесь весело, взявшись за руки, по кругу вот на этой самой лужайке. И я вижу, что вам хорошо и радостно. А по краям лужайки стеной неподвижно стоят взрослые люди, какие-то мрачные, но лиц их я не смогла разглядеть – проснулась.

– Замечательный сон, – сухо произнесла Елизавета. – Ты хорошо, видимо, выспалась. И голова у тебя должна быть ясной. Давай подключайся.

– К чему? – полюбопытствовала Анна Андреевна.

– Обсуждаем, что будем делать с этим судом, – охрипло выговорил Михаил.

– Ах, это! В общем, с этой землёй запутанная история. Вроде, как я слышала, после войны наш тогдашний сосед, между прочим, профессор истории, как и ты, Михаил, по какой-то причине отдал нам некоторую часть своего участка. Может, чтобы мама посадила там что-то для пропитания. Профессор остался из-за войны без семьи, а нас у матери было четверо, отец погиб. Потом, это я уже хорошо помню, сменивший профессора другой сосед сам поставил прочный забор. Этот твой, Елизавета, любимый клён попал на нашу сторону.

– Ты уже говорила об этом! – раздражённо буркнула Елизавета. – Надо решать, что сейчас делать. Мы, что, без сопротивления должны отдать нашу землю?

Тут на подступах к навесу раздался возглас:

– А! Вот вы где! Всем привет!

Появился ещё один персонаж – сухопарый, жилистый, с обветренным лицом мужчина в потёртых джинсах, ковбойка

его была расстёгнута на четыре пуговицы. Подошёл он к Лизе и поцеловал в макушку.

– Приезжаю домой, – сообщил он, стоя за спиной Елизаветы, – думаю: семья ждёт, а там никого. – Тут он перевёл взгляд на Анну Андреевну. – Это после месяца в экспедиции.

– Я оставила записку, – оправдалась Лиза. – Послезавтра у нас суд.

– Ты бы, Иннокентий, с дороги хотя бы умылся, – заметила Анна Андреевна, – а то весь пропыленный.

– С вашего позволения, так и сделаю.

Иннокентий добродушно развернулся и исчез. Михаил бросил на сестру беспокойный взгляд. Та, упрямо вскинув голову, закрыла глаза. Всё ещё стоя подле матери, Михаил тихо крякнул и, наконец, сел и оглядел сородичей. С усилием приосанился. Всё-таки самый старший мужчина среди всех них. Должен как-то соответствовать и хотя бы сказать что-то приличествующее ситуации. И он выдал:

– У нас десять соток, так? У Хвощёвых на сотку больше – одиннадцать. Это закреплено официальным документом. Так что опасаться нечего.

– Документ! – выпалила в него сестра. – Ты, что, не понимаешь? А ещё историк. Можно откопать какой-то другой документ и тоже официальный, по которому всё совершенно иначе.

– Тогда, – развёл руками Михаил, – всё зависит от судьбы. И мы уже ничего не можем сделать.

– Прекрасно! Очень на тебя похоже – просто наблюдать, и всё пусть идёт, как идёт. Сложить руки на груди и всё.

Михаил Юрьевич, действительно, сидел, сложив на груди руки. Быстро на них взглянув, разнял и ёрзнул на сидении.

– А что? – с некоторой напускной агрессивностью спросил он. – Что-то делать, лишь бы делать? Бессмысленная суета. Бесплезная активность. Можно, конечно, – Михаил вдруг шутливо подмигнул Елизавете, – припугнуть Хвощёвых. Вот только чем? Даже не знаю.

– Мне иногда кажется, братец, что ты.... Ладно, бог с тобой. Но знаешь, мог бы и не приезжать. Тебе же безразлично, что тут делается. Тебя жена на свой участок таскает.

Раздув ноздри, Лизавета возмущённо пыхнула.

– А что говорит адвокат? – холодно спросила Ирина.

– Адвокат? – будто очнувшись, переспросила Елизавета. – Ах, адвокат! Он говорит, что будет напирать на то, что тогда,

когда делался добытый Хвощёвыми план, в 20-х годах, было мало специалистов, замеры делались небрежно и наспех.

– И что этим Хвощёвым неймётся? – небрежно заметила Ирина. – Понимаю, если бы участок у них был маленький. А то ведь ещё один прикупили с другой стороны и, похоже, собираются там строить новый дом.

– Их тоже можно понять, – величаво выговорила Анна Андреевна. – Им было бы желательно отодвинуть забор от своего окна, он ведь сейчас впритык к нему.

– А по их плану забор упрётся в наше окно! – возмущённо выговорила Елизавета. – А наш клён придётся срубить! Претендовали бы они на одну сотку, это куда ни шло.

– Так у Хвощёвых, несомненно, тут свой расчёт, – тонко улыбнулась Анна Андреевна. – Они, наверняка, знают, что в суде не любят запутанные земельные споры. И чтобы не затягивать тяжбу, судья вполне может предложить компромиссное решение с учётом и старого плана, и нашего последнего: Хвощёвы получают половину того, на что претендуют, а их, в свою очередь, обяжут..., ну не знаю, новый забор что ли поставить за свой счёт.

На этих словах Анна Андреевна вытянула своё длинное тело из кресла и двинулась прочь, добавив на ходу: «Сейчас пойдёт сильный дождь. Навес вас не спасёт».

Анна Андреевна плыла по дорожке с горделивым видом, чуть покачивая своё высокое сухощавое тело в длинном, из тёмно-синего денима балахоне. Её синеватая фигура медленно уменьшалась.

– Только подумать! – гневно вырвалось у Лизы, глядевшей вслед матери. – Хорошо устроилась. Ничего её не касается. Над всем невозмутимо парит!

– В чём дело? – с этими словами появился умывшийся муж Елизаветы, Иннокентий. – Что ты так, Лизавета, разошлась?

– Да это всё мама! Считает, что мы должны без сопротивления отдать свою землю.

– Ничего подобного она не говорила, – спокойно заметил Михаил. – Она просто не хочет понапрасну тратить силы. Ты ведь теперь тут хозяйка.

– Почему только я?! Эта земля всей нашей семьи! – чуть ли ни выкрикнула Лиза. Навернулись злые слёзы. – И так в своё время половину у нас отобрали.

– Когда это? – удивился Иннокентий и тут же понимающе хмыкнул. – А, ну да. При царе Горохе.

Лиза стрельнула в него негодующим взглядом и обхватила ладонью лоб.

– Может, с Хвощёвыми стоит поговорить? – предположил Михаил.

С ироничным отчаянием Лиза посмотрела на брата.

– А что? Можно ведь попробовать, – несколько надувшись, не сдавался Михаил. – Всё-таки и дальше придётся жить бок о бок.

– У нас с ними нет никакого контакта, – мрачно отозвалась Елизавета. – Они как купили два года назад участок, так сразу от нас закрылись. Я пробовала с ними сблизиться, ничего не вышло. Замкнутая семейка. Что им надо от нас, так это только наша земля. Расширяться им хочется.

– Это вполне в природе человека, – с отвлечённой задумчивостью проговорил Михаил. – Таким уж устроен человек. Если взглядеться, то вся история построена на борьбе за жизненное пространство. Для благополучного выживания. Так что либо включаться надо в эту борьбу, либо в какой-нибудь келье смиренно молиться об отпущении грехов.

– Пошёл, поехал рассуждать, – твякнула на него Лиза. – И кто только надоумил Хвощёвых раскопать этот древний план раздела земли?!

Хвощёвы в это время на своём, не так давно приобретённом, участке занимались кто чем. Глава семейства, сидя в шезлонге на лужайке, пил пиво, поглядывая после каждого глотка вверх. Жена на открытой террасе листала сообщения в смартфоне. Два их мальчика лениво гоняли мяч. Над всеми ними стояло безоблачное небо. Хвощёвы пребывали под ним в полном умиротворении. Близкий суд, похоже, их совсем не волновал.

Вот и старшая их дочь Ксения, девушка лет двадцати, счастливо брела одна по улице, скользя лёгким взглядом по кронам деревьев, выступавшим над заборами. Порой она приостанавливалась и, сложив большой и указательный пальцы на обеих руках в прямоугольник, наводила его на какой-то увиденный ею объект. Затем она возобновляла движение пританцовывающими мелкими зигзагами. На каком-то из них она оказалась на пути велосипеда, в седле которого была Ирина. Резко вильнув рулём, велосипед сделал резкий отворот и, потеряв равновесие, упал. Ирина оказалась на асфальте.

Незначительное происшествие. После него было бы нормально просто обменяться приличествующими фразами

и разойтись. Но не в этом случае. Необходимо, чтобы столкнувшиеся испытали друг к другу нечто такое, что не дало бы им сразу расстаться.

И вот Ирина и Ксения замерли друг против друга, с любопытством взирая одна на другую, и что-то их явно поразило, что-то выходящее за пределы происшествия с велосипедом. Взгляды у обеих женщин вдруг заискрились, словно они признали что-то друг в друге.

– Ксения, – представилась одна, протягивая руку уже стоявшей на ногах Ирине. – Больно?

– Пустяки. – С улыбочивой тревожностью она смотрела на Ксению.

– Но у вас кровь на коленке, – настаивала та. – И рука ободрана.

– Пройдёт. – И вдруг как-то отвлечённо добавила. – Ведь всё проходит, верно?

– Но ведь не без последствий, – гулко отозвалась Ксения.

Согласный кивок со смешком, после чего Ирина со всей возможной для себя беззаботностью добавила:

– Во всяком случае, из-за этого ушиба, дорогая моя, ничего серьёзного не будет.

– Давайте я сама доведу велосипед до вашего дома.

Девушка привязчива, но и сама к себе невольно привязывается. Ирина согласно кивнула.

– Куда? – задорно спросила Ксения.

– А вы сами, где живёте?

Совпадение, что живут на одной улице, вырвало у обеих одинаковое пораженное «надо же!». Был вроде порыв обняться, но, видимо, сковал, холодок опасливости, и они остались на прежней дистанции друг от друга. Пошли рядом, держась на расстоянии. Внезапно Ксения остановилась и пристально всмотрелась в Ирину.

– У вас очень выразительный профиль. Похож на Ахматовский.

Ирина нахмурилась. Зачем выдумывать? Нос с костлявой горбинкой и волосы растут далеко ото лба, словно есть залысины – что тут хорошего.

– Надо сделать ваш портрет. – Ксения не сводила горящий твёрдый взгляд со спутницы. – И я уже знаю как. Вы должны приехать в мою фотостудию. Давайте завтра. Чего откладывать? –

Это прозвучало с грубоватой требовательностью, к тому же ещё и с детской капризностью.

Под таким напором Ирина подобралась, щитом – посуровевшее выражение лица. Эта сбившая её девица что-то слишком много на себя берёт. С чего это ехать к ней в какую-то студию? Кто она такая?

– Ну да, вы же не знаете, – спохватилась Ксения. – Я серьёзно занимаюсь фотографией. У меня уже было две выставки. – И тут она вдруг обиженно дернула губами. – Это мои считают, что у меня это просто блажь. Ну и пусть, неважно. Сейчас собираюсь сделать серию женских портретов. Ярко выраженные разные типажи женщин. Выстрою снимки так, чтобы чувствовалось, что они вроде как из разных эпох. Но никаких исторических костюмов. Только свет и тип лица. Вот ваш будет..., ваш будет в стиле раннего средневековья. Честь, достоинство и чистота.

Ирина оторопела. И всё же возникла слабая польщённая улыбка.

– У меня отличная аппаратура, – заверила Ксения. – И студия в центре. А? Соглашайтесь. Вы же такая славная. Не пожалеете.

И тут Ирина, что-то про себя соображая, сузила глаза. А что если эта девица сможет снять янтарь для продажи через интернет? Когда ещё потерявшие мастерскую ювелиры будут в состоянии взять у неё камни!

– Конечно, я готова этим заняться, – тут же согласилась Ксения. – Для вас хоть что могу снимать, хоть этот ваш янтарь. И двух зайцев убьём. Вы мне попозируете, а я вам сделаю фото ваших камней.

Вроде договорённость установлена. Бодро и уверенно они зашагали по тротуару, Ксения с краю, ведя велосипед вдоль бордюра. Так и дошли до Иринино дома.

Ничего себе! Ксения несколько напряглась, увидев, на чью территорию Ирина открыла калитку. Медленно передала ей руль велосипеда, глядя на видневшийся за забором участок.

Нет, контакт уже установлен, ничего его не разорвёт. Упрямо двинув уголками губ, Ксения потребовала у Ирины номер телефона.

Не сразу вошла в свой сад Ирина, проследила, куда двинулась Ксения. Увидев, что та прошла на соседский участок, приняла это с простым удивлением. Оказывается, у неё договорённость с одной из Хвощёвых. Ну и пусть, даже любопытно.

Старший Хвощёв сдёрнул накрывавшую лицо бейсболку цвета хаки и решительно поднялся с шезлонга. Подошёл к веранде, где всё ещё сидела с телефоном его жена.

– Забор будем ставить песчоблочный, с декором, – заявил он.

– Зачем такой городить, – был ленивый отклик. – Щитовой сойдёт.

– Нет! Забор должен быть внушительным, – упрямо и грозно определил отец семейства. – Чтобы знали! – Задумчиво набычился. – Весь такой... дворцовый.

Хвощёв окинул пристально тяжёлым взглядом свою территорию. Взор затем ушёл куда-то вдаль. Вполне могло ему в этот момент привидеться, как должно быть здесь для жителя его семейства. Несомненно, он намерен устроить тут так, чтобы их обитание в этом месте было надёжно защищено, по возможности роскошно оформлено и обеспечено всем качественно и с избытком. Скользящий его взгляд остановился на двух его мальчишках, уныло толкавших мяч друг к другу.

– Вы чего еле двигаетесь? Мяч надоел? Берите велосипеды и давайте по посёлку. Ваше теперь это место, знакомьтесь.

Мальчики хмуро переглянулись и отрицательно покачали головами.

– В чём дело? – отец приблизился к сыновьям.

– Тут эти... местные..., – мальчики замялись.

– Что – местные?

– Их там целая кодла. В футбол гоняют. Пригрозили, если появимся на их улице, побьют.

– Какая это ещё их улица!

– Некрасова, – пояснил один. – Её никак не объедешь.

– Мы им не нравимся, – уныло произнёс другой. – Пришлые мы, говорят. И с кулаками.

Мать бегом с веранды к своим отпрыскам.

– Какие вы пришлые! Мы здешние. Ваш отец совсем рядом тут жил в детстве. Нет, ты только подумай! – взвинченно обратилась она к мужу. – Хулиганье какое! Говорила тебе: надо в охраняемом посёлке покупать. А ты – родные места, родные места.

– И что? Плохие места? Река. Зелень. Сосны. И купить тут землю можно сравнительно недорого. – Хвощёв с усмирительной ласковостью окинул взглядом свою светлокудрую, ещё не располневшую жену. – Будет тебе здесь охраняемый

посёлок. У здешней босоты скупают участки состоятельные, как мы, люди и огородят. От Москвы недалеко, и природа хорошая.

Мать повела своих мальчиков на веранду есть мороженое. А после пусть по участку катаются. Есть где. Земли достаточно. Хвощёв удовлетворённо вернулся в свой шезлонг. Благостность снова воцарилась на их участке.

В неё плавно вошло бесшумное появление Ксении. Лёгким стремительным шагом она прошла в дом, бросив быстрый взгляд на мальчишек, поедавших мороженое, и на мать, умиротворённо взиравшую на своих сыновей. Никого приход Ксении не отвлек их от занятий.

У себя в комнате при слегка дымчатом свете, ровно падающем из верхнего, в потолке окна, Ксения разложила на широкой кровати чёрно-белые фотографии вполне выставочных размеров. Двигая губами, она критически в них вглядывалась. Взяв одну, поставила на стул, прислонив к спинке.

Крупное лицо старухи. На открытых удлинённых щеках чётко выявлены штрихи продольных, прерывистых морщин. Древние письмена на коже. Начертания неизвестного языка.

Фон – бревенчатая стена, тоже покрыта знаками, продольно глубокими и прерывистыми. Испещряют стену от края до края.

Письмена времени что на коже, что на древесине одной природы – нанесены давящей силой времени. Но на лице видно и другой силы послание. В глазах старухи. Прозрачная в них светлость. Неяркая, приглушённая. Плохо защищённая и уязвимая.

Повезло с этой старухой. Терпеливо позировала. Не каменела. С готовностью откликалась на просьбы то так, то этак держать голову.

Удачно, что тогда навязалась отцу, сама не зная зачем, поехать с ним к его бывшей училке в соседний посёлок. Отцу, похоже, хотелось показать себя той, которая в своё время наверняка безуспешно наставляла его, как надо жить.

Приехав, увидели, что теперь самой старухе в пору помогать существовать. Хвощёв напыжился, не очень понимая, что для этого надо делать. Только когда Ксения предложила старухе позировать для съёмки, оживился. Отозвал дочь в сторону и сунул ей пару десятков тысяч. Для училки аванс за работу.

Старуха не сразу взяла деньги. Сначала тупо смотрела на пачку тысячных купюр на столе, потом, молча, убрала деньги в ящик буфета. И на следующий день несколько часов

терпеливо позировала Ксене. Несколько снимков получилось удачными, а тот, что стоит сейчас на стуле, совершенно выставочный.

Отец на этот снимок только хмыкнул и сказал совершенно не о фотографии, а о том, что Ксене надо немедленно появиться в мэрии. Её давно там ждут. Увидев, что дочь не выражает надлежащей готовности это сделать, рассвирепел и вылетел из Ксениной комнаты с возгласами «Такой шанс.... Сразу после учебы...!»

Так ведь работа – не волк. И лето ещё не кончилось, ещё можно делать, что хочется.

Сдвинув фотографии на кровати в одну кучу, Ксения вытянулась на покрывале и направила взгляд в окно в потолке. В обрамлении рамы видны только рваной пеленой подёрнутое небо и две тоненькие ветки березы с крутящимися крылышками листьев.

Вот такое досталось окно. А у мальчишек внизу открыт полноценный вид на сад. Но это так для них. А вот её, старшую дочь, запихнули в наспех надстроенную мансарду. Временно сказали. Пока не построят новый дом.

А что там, в новом доме, ей выделят? Как пить дать то, что остальным не подойдёт. Иногда даже кажется, что ей вообще не будет никакого там места. А вот мальчишкам дадут каждому по комнате. Ну как же! Они же продолжатели фамилии. И земля перейдёт к ним. А она, Ксения, что? Ну конечно! По древним чтимым традициям должна выйти замуж и уйти отсюда куда-нибудь к мужу.

Ксения завертелась на кровати, А что если повести себя так, чтобы родителям поскорей стало с ней невмоготу. Тогда им ничего не останется, как отселить её, то есть – купить ей квартиру.

А что если притвориться спятившей? Ходить с блуждающим взглядом, хохотать не к месту, злобно задираТЬ мальчишек. Вообще делать такое, что для психушки было бы не достаточно, но вполне хватило бы, чтобы родители захотели от старшей дочери избавиться, в смысле купить ей отдельную квартиру. И тогда появится своя независимая территория. Лучше двухкомнатная. В одной комнате – студия, своя, и ни с кем, как сейчас, делить её не придётся. А другая комната просто для житья. Фотографировала бы тогда, когда вздумается, что хочется и как видится.

Что и как видится в идущем с Хвощёвыми раздоре из-за земли высказывались под навесом Михаил Юрьевич Корин, кровно с этой землёй через свою мать связанный, и муж его сестры, Иннокентий Витальевич Ивлев, как когда-то бы сказали – примак, живущий на жилплощади жены из-за отсутствия собственной территории.

По некой причине высказывания этих двух персон имели несколько отвлечённый характер без прямого разрешения вопроса.

Медленно и редко падали капли дождя. На светлом полотне навеса расплывались сероватые пятна, почти такого же цвета, как и небо над ними. Цвет неба, между тем, становился неровным, сплошную облачность начали усиливать наплывающие тёмные тучи.

Иннокентий Витальевич с Михаилом Юрьевичем были под навесом вдвоём, женщины ушли от надвигавшегося дождя в дом. Грузноватый Михаил опёрся локтями о столешницу, подперев ладонями увесистую с седовласой гривой голову. Поджарый Иннокентий руки держал на подлокотниках, глубоко уйдя в кресло.

Он только что закончил высказываться в том духе, что это совершенный вздор затевать суд из-за каких-то двух соток, буд-то семействам ступить негде. Он обвёл сомкнутыми пальцами панораму с газонами, деревьями, кустами и забором, мол, вон, сколько земли, всем должно хватать.

Хватать-то, конечно, хватает. Должно хватать. Но разве не естественно, что Хвощёву хочется расширяться, а Елизавете – удержать то, что испокон века, точнее, с позапрошлого столетия принадлежит их роду.

Впрочем, сложившаяся ситуация с землей, если действительно волновала Иннокентия, то скорее всего потому, что ничего хорошего нет в том, что жена взбудоражена разборками с соседями, да к тому же требует деятельного в них участия. В общем, Иннокентий Витальевич находился в несколько раздражённом состоянии.

Всё же представляется, что раздражение его на жену – лишь поверхностная рябь над плотным глубоким его спокойствием. Толща этого спокойствия, видимо, накоплена в долгих многочисленных экспедициях по почти безлюдным пространствам земли.

Михаил отнял руки от головы и, потрянув ею, посмотрел вверх, потом на собеседника и тоже высказался:

– Чтобы там ни говорили, борьба за территории не может быть бесспорно справедливой для всех. Однако именно она во многом определяет историческое движение человечества. Переход земель из одних рук в другие всегда был, на мой взгляд, основным фактором истории. Изменилось ли что-то в нынешние времена?

Тут Михаил Юрьевич примолк, пожевал губами и, поколебавшись, добавил:

– Милосердие – частное дело, состояние отдельного человека. А вот уж объединения людей вообще мало к нему способны. Народы сталкиваются в кровь. Мы всё ещё люди Ветхого Завета. Но с другой стороны без этих толчков наступает застой, никакого не получается движения.

– И куда же человечество движется? – леденяще поинтересовался Иннокентий.

– А это не имеет значения, – с вызовом констатировал Михаил. – Пихаем друг друга туда-сюда, бодаемся, потому что есть потребность расширяться, утверждаться. Природа такая. Земная. Правда, вот мой компьютерный отшельник...

– Кто, кто? – неволью хохотнул Иннокентий.

– Я так своего сына дразню. Вот он утверждает, что наступающая цифровая цивилизация станет свободной от границ и независимой от государств. Как тебе это?

– Думаю, очередная иллюзия. Нашу, как ты говоришь, земную природу не изменить. Разве что уничтожить. А не хотелось бы. Уж лучше так, чем никак.

Михаил Юрьевич словно бы отвергающе покачал головой, а Иннокентий Витальевич с тихой ворчливостью продолжил:

– Вот мне совсем не по нутру, как идут сейчас дела у нас в геологоразведке. Сплошь под коммерческие проекты изыскания ведём и в основном в Центральном округе. А бывало, – тут Иннокентий издал не по возрасту старческий вздох, – по несколько месяцев по диким территориям шагали. И словно клады искали. И вроде бы для всего нашего народа. Романтика была, – криво улыбнулся Иннокентий и, подобравшись, пояснил: – Тоже, конечно, иллюзия.

– «Нас возвышающий обман», – мрачно подхватил Михаил. – Не понимаю, почему мама так резко вдруг от нас отдалилась...

По навесу застучали тяжёлые струи дождя.

От дождя ли, от неприятных ли разговоров про суд или же вообще от всей своей собравшейся в Плетнево родни скрылась

Анна Андреевна у себя в комнате, плотно захлопнув за собой дверь. Стук получился таким резким, что Анна невольно поморщилась. Жёстко подобравшись телом, опустилась в кресло. Вот так своей комнатой она отстранена и защищена от всего ныне происходящего.

А что? За восемьдесят с лишком лет жизни не достаточно ли уже накопилось всякой тяжести, чтобы ещё добавлять груз нынешних людей и событий? Ведь так хочется, о, как смертельно хочется легкокрылой бабочкой пропорхать оставшиеся годы перед тем, как завершающе оуклится.

Анна сомкнула веки. И вдруг толчком их распахнула. Окинула цепким взглядом свою комнату. Горделиво качнула головой.

Хорошо, однако, в этой комнате всё устроила. Может быть, немного тесновато, но надо было забрать сюда из остального дома всё сохранившееся, ещё целое и потому ценное. За такими вещами дочь Елизавета совершенно неспособна ухаживать. Сложны они для неё. Легче ей справляться с тем, что без затей, без завитков и углублений. По ней – гладкие прямые поверхности. А что в результате у неё получилось? Скучно и неудобно. Но делает вид, а, может, и вправду верит, что с новой обстановкой стало гораздо лучше, светлее и чище. Однако же отпуск свой здесь не проводит. Уезжает, когда это возможно, в старую Европу с затейливым её ландшафтом. А потом обратно домой, где всё устраивает так, чтобы не требовалось затратного внимания и особой заботы. Единственно любит в саду копаться. Анна Андреевна фыркнула: да толку от этого чуть. Ничего особо хорошо не растёт, разве только кусты сирени да старый клён.

Ладно, пусть Елизавета живёт, как ей живётся. Хорошо, что в доме у каждого есть свой угол. Вот только зрение стало падать. Отсюда никакой пыли не видно, а когда посмотришь поближе – на всём серый налёт, ещё больше старящий поверхности.

И тут под конец дня Анна Андреевна взялась за тряпку. Когда дошла, протирая вещи, до фотографии в рамке на серванте, остановилась.

Цветное фото подростка. Длинные, зачёсанные назад волосы, чуть раскосые тёмные глаза и крупный, с горбинкой нос. Анна Андреевна легонько провела пальцем по стеклу и невесело улыбнулась.

Компьютерный отшельник. Так прозвал его отец. Уже какой год в Плещево не показывается. Одно время казалось, что пошёл в прадеда, чем-то внешне был на него похож, как на этой

фотографии. А что получилось? Ничего схожего. Прадед был деятельный, преобразователь даже тогда, когда поле его деятельности урезали донельзя. А этот завис в своём компьютерном мире и нос наружу не кажет. Зарабатывает тем, что разные ловушки для цифровых движений устраивает. С головой в это ушёл. Михаил говорит, что теперь залёг, как медведь, в какой-то деревне, разве что не спит, а через интернет что-то там делает.

Да бог с ним, с этим Максимом. Неизвестно, в кого вырос? Так ведь вырос, сам себя обеспечивает. Это раньше было волнение, а теперь наступило от него освобождение. Как и от всех, кто сейчас здесь.

Анна Андреевна нарочито размеренным шагом подошла к окну. Под падающими тяжело и редко каплями подрагивали листья клёна. Давным-давно посажен был дедом, Василием Смагиным. Застарелая обида и боль, что совсем его не знала. Не стало деда, когда самой был всего год. А вот от отца в памяти кое-что осталось. Всё-таки успела прожить с ним до пяти лет прежде, чем он погиб на фронте в Кёнигсберге. Отчётливо помнится перехватывающий дыхание взлёт на его руках под потолок и желтовато-смуглый, костистый крутой лоб, к которому прижимал, прежде чем опустить на пол.

До сих пор, бывает, язвит мысль, что доживи дед или хотя бы отец до времени её зрелости, было бы гораздо легче жить сейчас. Увереннее бы жилось. А теперь осталась на поверку одна. Да, одна! Все остальные ведут стороннее от неё существование.

Однако, есть у неё другое. Анна Андреевна подошла к полкам в правом углу комнаты. Направила взгляд на верхнюю. Да, есть живое, пусть и ускользящее, неотчетливое, но согревающее соприкосновение с тем, что словно изначально родное, хоть и обретается, как и те ушедшие из этой жизни родные, неизвестно где.

Там, в этом «неизвестно где» – безграничное, свободное пространство другого измерения. Не подлежит оно ни учёту, ни межеванию. И вот оно, именно это пространство видится в старинного письма лике Спаса в глубокой деревянной рамке. И если пристально на него глядеть, то возникают сцепленные друг с другом слова:

Господи! Боже мой.

Господи! Боже мой.

Твоя воля.

Так дай же мне понимание и смирение

Принять жизнь такой,

Как она есть.

Помилуй и наставь.

Падать на колени Анна Андреевна не стала. Просто постояла напряжённо подле и отошла от угла. Села за письменный стол, перекочевавший сюда из задней террасы, куда Елизавета вынесла его, освободив место в комнате, сравнительно недавно ставшей её собственной. Этот старинный массивный стол занял у Анны место супружеской кровати, надобность в которой пропала больше семи лет назад.

Надев очки, Анна Андреевна достала из ящика стола картонную папку и вынула из неё пачку пожелтевших помеченных штемпелем треугольников. Их надо развернуть, чтобы прочесть написанное внутри.

Её дочь Елизавета у себя в комнате, тоже надев очки, перебирала собранные для суда документы. Ожесточённым взглядом их просматривала, словно пытаясь выудить из них что-то, до этого ускользавшее. Отбросив от себя последний лист, устало уставилась на вынутую из ящика стеллажа фотографию.

На ней изображён был причесанный на косой пробор, гладковолосый мужчина, довольно высокий, с бородкой и полоской усов. Крупный нос с горбинкой усиливал волевое выражение лица. Выпрямлено восседал этот человек на кресле в ладно скроенном сюртуке. Широкий галстук с туго затянутым узлом подпирал воротничок белой манишки, острые углы были загнута приподняты.

Переведя взгляд от фотографии на стопку документов, Лиза тяжело вздохнула. Похоже, ничего нового в этих официальных бумагах ей обнаружить не удалось.

А чтобы она хотела? Какую-нибудь до сих пор ещё не выявленную зацепку? Какое-то ещё ударное доказательство необоснованности Хвощёвских притязаний, чтобы окончательно сокрушить их атаку. Но нет, ничего дополнительного к уже имевшемуся для борьбы с соседями обнаружить не удалось. Придётся адвокату использовать тот арсенал, который он сумел набрать. Ничего больше Елизавета дать ему не может.

Ужасно! Какая несправедливость! Когда-то отобрали у прадеда часть его земли, а теперь пытаются отрезать ещё две

сотки. Ну уж нет! Не выйдет. Надо сделать всё, чтобы защитить своё от посягательств этих наглых Хвощёвых.

Лиза переместилась в кресло на тонких расходящихся ножках, обитое мутной расцветки тканью. Это кресло она упорно считала удобным. Постукивая ладонями по узким деревянным подлокотникам, она хмурила переносицу. Потом рывком поднялась.

Да! В пух и прах будут разбиты все попытки Хвощёвых отобрать их землю. Подвергнутся полному разгрому их поползновения втянуть суду то, что раскопанные ими, почти истлевшие документы имеют законную силу. В них вообще едва что видно.

Стук в дверь. На пороге – Ирина. В чём дело? А, пришла просто проститься, уезжает в Москву. Стоит дочь, наклонив своё рослое, плотное тело чуть набок и смотрит на мать, нет, не жалючи, с чего это ей смотреть сейчас с жалостью. Тепло и примеряюще смотрит.

– Ты бы, мама, – говорит она, – поспокойнее. Что так напрягаться? Твой участок останется цел.

– Мой?! – от возмущения у Елизаветы перехватило дыхание. – Нет! Всей нашей семьи эта земля. С самого начала. И без того ещё при моём прадеде часть её отобрали. И теперь надо сохранить то, что осталось.

– Если честно, мама, то мне всё равно, что там в суде решат. А у тебя давление. Будешь так нервничать, удар хватит. Тогда вообще ни о какой земле думать не будешь.

– Что? – поразилась Елизавета. – Подожди. Ну-ка сядь. Мне не нравится, как ты выглядишь.

– А что такое?

– Лицо у тебя какое-то посеревшее. И круги под глазами. Тебе бы на свежем воздухе побыть, а не в город нестись, – с чёрствой озабоченностью выговорила Елизавета.

Тут дверь в комнату приоткрылась, и в проёме замаячила прямая, туманно беловатая фигура Анны Андреевны. Поколыхалась и бесчувственно исчезла.

Елизавета и Ирина тревожно переглянулись. Нет, похоже, ничего страшного не происходит. Старуха покинула своё убежище просто, чтобы размять ноги, верно? Мать и дочь согласно кивнули. Елизавета опустила голову, потом вскинула.

– Так что? – как бы вспоминая, о чём шла речь, произнесла она.

– Дождь зарядил, – отметила Ирина. – Это надолго. На речку не сходишь. И погулять не выйдет. Делать мне поэтому здесь нечего.

Делать есть что Ирине в Москве. Ведя туда машину, Ирина вдруг пристальной вгляделась в встречную полосу и, бросив взгляд в боковое зеркало, пошла на обгон. Вот так, отлично. Сегодня же надо отобрать янтарь для съёмки. Попался коллекционер из Тюмени. Надо ему поскорее отправить фотографии, пока не сорвался. Можно, конечно, попробовать самой сделать снимки, но лучше пусть Ксения поработает. Похоже, она умеет. Даже интересно, что она оказалась из Хвощёвых.

Выложены на большом столе камни – прозрачно-медовые, тёмно-коричневые в сероватом налёте, есть коньячного цвета с просвечивающими мушками вкраплений, попадаются непрозрачные, грязно молочные... Это всё и есть янтарь. Превратившаяся в камень текучая живица, источавшаяся доисторическими соснами под палящим солнцем на севере в тогда ещё неназываемых Европой землях.

Текла та древняя живица по стволам и внутри них, заделывая раны и трещины, затвердевала, прогревалась солнцем и падала на землю. Окаменевала. Теперь смоляные натёки и капли твёрды и монолитны.

Что отобрать для съёмки? Заказчику нужен необработанный янтарь. Если и допускается шлифовка, то только небольшого участка и лишь для того, чтобы выявить текстуру камня. Естественная форма не должна быть нарушена. Исключительно создания природы. Без вмешательства человека. Проявления творящей силы природы – вот что нужно коллекционеру из Тюмени.

Ирина перебирала камни. Могут подойти, пожалуй, только два. Один – вот этот в причудливо разбросанных выпуклостях, отшлифованных морем, коричневато-оранжевых, как вода в трофянных озёрах. Выпуклости эти вытарчиваются на шероховатой, покрытой впадинками и складками поверхности. И в них – своя игра смешений серых, а то почти чёрных, кое-где зелёноватых зернистостей.

Да, этот подойдёт. Ирина отложила выбранный камень на подоконник и вернулась к столу. Среди кусков дикого янтаря выделялся ещё один – молочно-белый, продолговатый, в светло-коричневых волнообразных разводах. Маслянистая пейзажная

холмистость его поверхности выглядела изошрённой, в ней можно было угледеть некие фантастически изогнутые существа. Ирина взяла в руки этот янтарь и, улыбочиво повертев, отнесла на подоконник.

Два камня это маловато, чтобы зацепить клиента. Нужны ещё хотя бы три-четыре таких же занятных. Ирина окинула оценивающим взглядом заполненный янтарём стол. Нет, таких больше нет. Ладно. Тогда стоит сделать так: срочно отправить для затравки фото этих двух и заверить, что будут ещё. Может, тюменец и клюнет.

Ирина поспешно расположила камни на подоконнике так, чтобы на них падало больше света. Фон – голубоватое, мглисто расплывчатое небо на пятнадцатипятиэтажной высоте. Ирина схватила айфон и несколько раз щёлкнула камерой. То, что получилось, тут же отправила в Тюмень. Через пару минут пришло сообщение: «Желательно, чтобы выбор был больше».

Да откуда взять выбор! Из того, что есть, не получится. А новые фракции поставщики когда ещё пришлют! Пока будешь ждать, заказчик сорвётся.

Ирина сгребла негодные для этой сделки камни в мешок. Насупленно забралась с ногами на диван и, сгорбившись, вжалась в угол.

Ну нет! Так не пойдёт. Не такой должна быть Ирина, чтобы не смочь быстро найти выход из проигрышно складывающейся ситуации.

Так и есть! Есть решение – надо самой ехать в Калининград, обойти всех возможных поставщиков янтаря и прицельно отбиться только то, что может подойти коллекционеру. Как его? Ах, да – Пётр Алексеевич. Взять с собой Ксению, чтобы она фотографировала выбранные камни. Снимки тут же отправятся заказчику. И с его одобрения можно будет брать именно то, что ему подходит.

Да и вообще неплохо побывать в бывшем Кёнигсберге. Тевтонского ордена там давно уже нет. Другой народ, другая власть. Не казнят за самовольное обращение с янтарём. А ещё наверняка будет возможность навестить там двоюродного дядю. Раньше приезжал в Плетнево, но уже несколько лет, как не виделись.

Да, есть в этом городе на Преголе ещё один персонаж нашей истории – Сергей Анатольевич Смагин. Был отправлен в Калининград.... Когда? Ну положим, в восьмидесятых годах

прошлого века. Поехал в бывший Кёнигсберг из Москвы, чтобы строить там некие объекты. И родился у него на той земле сын Кирилл, Иринин сверстник.

Однако стоит тут отметить, что Ирина не наделена склонностью испытывать сильные родственные чувства. Но дело ведь может обернуться так, что Ирину привлечёт к этому её сверстнику вовсе не родство.

II

Всё пространство перед глазами занимает море. На вид безграничное и единое. Свободен и открыт морской простор. И мысли не возникает перед этой могучей водной плотью, что и она поделена, и её рассекают невидимые границы владений тех, чьи земли с ней соприкасаются. Однако смотреть на море можно долго без всяких мыслей.

Колышущийся водный простор, как магнит, притягивал двух женщин. Они стояли по щиколотку в воде и неотрывно на него глядели. В тот день море волновали происходившие в его глубинах и в воздухе природные события. Вздвигались на поверхности длинные пологие волны, круто закручивались, их гребни покрывались белой пеной. Те волны, что добирались до берега, с отчаянием на него обрушивались, обращаясь в мелкие водяные языки, лижущие, уплотняющие песок.

Закатав повыше штанины, Ирина и Ксения вошли глубже в морской прибой. В его беспокойной воде краски смешивались, а дальше от берега, отражая небо, море обретало свинцовую синеву. От неё шёл холод севера. Окунуться в такую воду желания не было. Правда Ксения всё же продвинулась вглубь несколько дальше, чем Ирина, и, чуть подпрыгивая, взмахивала руками. Ирина, сжав губы, тоже сделала пару шагов вперёд, но до той глубины, где была Ксения не дошла.

– Ну что? Может, хватит? – раздался мужской оклик с берега. Ирина оглянулась и помахала рукой.

– Ты бы, Кирилл, разулся и тоже вошёл в воду. Она не холодная, – позвала она его, видневшегося на невысоком, поросшем кустарником обрыве.

Издали всё в облике Кирилла выглядело средним: рост, сложение, размер головы. Лишь только волосы, доходившие мягкими, лёгкими волнами до плеч, были необыкновенно хороши. К тому же ветер вздымал их светло-русый ореолом над головой.

– Возвращайтесь! Уже скоро три, – снова раздался зов с песчаной возвышенности. – Если опоздаем, ничего не получится.

Сильным порывом ветра его последние слова отнесло в сторону, и они, видимо, не дошли до слуха стоявших на мелководье женщин, и те не двинулись с места.

– Да поймите вы: всё может лопнуть! – в наступившем вдруг затишье громко и отчётливо разнеслось над пляжем. – Нас дожидаться не станут.

А ждали их в паре десятков километров от этого места только что добытые со дна моря куски янтаря. Они были разложены на антрацитно блестящем капоте джипа. По одну его сторону стояли двое в чёрных гидрокостюмах, по другую – деловитого вида мужчины в кожаных на молнии куртках. Публика эта небрежно взирала на перебиравшую камни Ирину. Она отвергающим жестом продолжала отодвигать в сторону один за другим куски янтаря. Но вот, наконец, задержалась на одном, взяла его в руку и повернулась к Ксении.

– Вроде этот подходит. Форма интересная и достаточно крупный. А тут и тут даже без шлифовки видна красивая текстура.

– Давайте решайте скорей, – поторопил тот их двоих в кожанках, кто был повыше.

Кирилл быстро прошептал Ирине на ухо:

– У него договорённость с полицией до четырёх, потом нагрянут.

– Хорошо. Вот этот. – Ирина приподняла выбранный кусок янтаря. – Но мы его сейчас только сфотографируем, а возьмём позже. – И она кивнула Ксении.

Та пустилась бегом за торчавшим из песка раскорячистым плавником. Принесла его к джипу, скинула с капота под недовольный присвист отвергнутый янтарь и установила корягу. Между двух его чёрных сучьев установила янтарь. Переносными фонарями осветила его сзади и сбоку и несколько раз щёлкнула камерой. Снимки были тут же перекинуты Ирине на айфон.

– Придержите этот экземпляр до завтра, – обратилась Ирина к высокому в кожаной куртке. – Скорей всего мы его купим.

Хозяин янтаря бросил недовольный взгляд на Кирилла.

– Ладно тебе, Виталий! – и, отозвав его в сторону, начал что-то дружески ему внушать.

– Только для тебя! – громко выговорил Виталий, хлопнув Кирилла по плечу, и вернулся к джипу.

– Звони завтра, договоримся о встрече. Вот цена, – сказал он и, черкнув цифру на визитке, отдал её Ирине.

Джип уехал в одну сторону, Кирилл повёл женщин в другую. Туда, где была припаркована его машина. Шли, утопая ногами в сухом песке. Кирилл поддерживал под локоть Ксению. Ирина на ходу тыкала пальцем в айфон, отсылая снимки в Тюмень.

Среди города в ложбине поблескивает неподвижное длинное тело Нижнего пруда. Едва касаясь, его поглаживают свесившиеся ветви ив. Над прудом и аллеями парка слитно разносятся, как далёкий гул ветра, уличные шумы. В парк этот Ирину и Ксению привёл, выгуливая их по городу, Кирилл.

Городской оазис зелени и тишины. Здесь хорошо передохнуть после длинных пробежек от одной намеченной Кириллом точки до другой. Этими перебежками среди зачастую серых и неказистых городских построек зрение было раздражено, а вот тут глаза успокаивает гладь мягко изгибающегося пруда.

Существует этот пруд давным-давно, ещё со времён Восточной Пруссии. А до Пруссии? Или ещё древнее – до Тевтонского ордена, когда на этой территории жили языческие племена пруссов, ещё не согнанные с этих земель немецкими рыцарями. Может, тогда была здесь мельничная запруда? А почему бы и нет. Вот только парка в языческие времена точно не было. Древние пруссы мало занимались преобразованием своей территории. Их удовлетворяло то, что естественным образом на ней существовало: леса, озёра, дюны. Вот так они и дожили до того, что тевтонцы вытесняли их дальше на восток, а большей частью уничтожили. Но, как говорится, сегодня ты, а завтра я. Короче, пруд этот достался Калининграду от побеждённого Кёнигсберга. Долго оставался в послевоенном запустении. И без него было, что восстанавливать на разрушенных войной территориях.

Но думать о военных потерях и приобретениях вряд ли могло придти в голову пришедшей сейчас к пруду известной нам троице. Тишина и прелесть парка к этому не располагают.

Ирина села на скамейку между Ксенией и Кириллом. Упёрла расставленные руки в сидение. Двоим, расположившимся по разные от неё стороны, приходилось то откидываться назад, то наклоняться вперёд, чтобы встретиться взглядами и перекинуться словами. Голоса у обоих звучали на разной высоте, но с одинаковой нежной тревогой, будто говорили они о чём-то

сердечно для них важным. Однако произносимые фразы были отрывистыми и недоговорёнными.

– Чудно, правда? Здесь часто так?

– Когда с моря задувает, здорово пробирает.

– На Литовском валу было как-то странно...

– А в сумерках мерещиться могут...

– Да! У бывших казарм. Такие мощные, мрачные стены...

– Ещё в уцелевших особняках. Бывает и там. Может, завтра туда?

Ксения развернулась лицом к Ирине.

– Сколько их завтра? – спросила.

– Кого? – Ирина изобразила ироничное недоумение.

– У кого смотрим янтарь.

– Завтра утром буду знать, – резко выговорила Ирина. Кольнула взглядом сначала Кирилла, потом Ксению. И поднялась со скамейки.

Ксения состроила Кириллу жалобную гримаску. Тот едва заметно развёл руками. Ну да, дела, у всех дела. Встретиться вряд ли получится. Работа есть работа. Может, удастся сделать ещё пару хороших снимков. Но всё-таки жаль. Этот Кирилл очень даже приманчивый тип. Словно он и есть тот редкостный мужчина – волевой, мудрый, чувствительный и ласковый. А волосы у него, как у юноши, хотя наверняка ему за тридцать. Пряди крепкие, чуть вьющиеся чудесно треплет ветерок. Эх! Ксения тряхнула головой.

Теперь из парка Кириллу дорога на машине в родительский дом, что стоит на высоком берегу у моря. Современное преображённый старый, довоенный особняк. Что сохранилось от восточнопрусских времён, так это островерхая крыша с зубчатым кирпичным коньком, башенной формы эркер и овальные каменные ступени в сад.

Ксене же с Ириной дорога пешком в монументальную, остеклённую коробку отеля позднесоветского времени с длинными ковровыми коридорами и аскетичным убранством номеров.

Выход к отелю из парка с другой стороны, чем та, с которой они в него вошли. Там, на той другой стороне – ступенчатый спуск к аллеям у пруда. Кирилл привёл к нему Ирину и Ксению, обогнув огромную, кажущуюся пустынной площадь. На дальнем её крае красно-коричневым мощным зубом торчит плоская зубчатая Башня Дона. Кроваво выделяется среди приземистого сероватого окружения.

Но в Башне той собраны сокровища. Редкостный янтарь. Однако Ирина с Ксенией туда не пошли. Зачем им смотреть на то, что взять для дела не могут. А просто зайти в Музей желаний нет. И без того достаточно побродили, чтобы ещё добавлять.

Сейчас, передохнув в парке, самое время Ирине и Ксении идти в отель и ждать ответа из Тюмени.

Кирилл же тем временем едет в приморский городок. Там он войдёт в родительский дом, где его появление вызовет настороженную напряженность. Приход сына, похоже, повергает его родителей в определённую растерянность, словно они не знают, как себя с ним вести. Думается, так могло происходить с тех пор, как началась отдельная взрослая жизнь Кирилла.

Но не надо считать, будто его отец, зовущийся Сергеем или его мать, назовём её Мариной, сына своего не любили. Нет, они же добросовестно его вскормили, вырастили, сделали образованным, и стал он архитектором с женой и дочерью. И вообще они всегда мирно с ним обедают, не спеша гуляют у моря, тихо пьют чай и сдержанно со вниманием интересуются его делами, о которых Кирилл, как правило, говорил скупно и неохотно.

Но совершенно определённо есть под внешней уравновешенностью и спокойствием искрящееся поле недовольства. Его искры, бывает, прорываются наружу, зажигая во взгляде неласковость, а голос делая потрескивающим. От того и возникает у этих персонажей, когда они вместе, некоторая скованность и напряжённость.

Однако в нынешний свой приезд Кирилл сделался, как никогда, оживлённым и раскованным. Своё необычно приподнятое настроение он старался не очень явно проявлять, видимо, чтобы ещё больше не тревожить собой родителей. Они ведь уже привыкли видеть его сумрачным и неразговорчивым, а теперь вдруг у сына лицо оживлённое и говорить стал с охотой. Только вот с кем? В том-то и дело что с кем! С приехавшим к ним гостем.

Увидел его Кирилл в первый же момент своего появления на родительской территории: гость стоял на ступеньках из дома в сад и курил. Кирилл по-ребячески порывисто кинулся к нему и обнял.

Тут надо сразу сказать, что обнял Кирилл своего двоюродного дядю, Михаила Юрьевича Корина из Москвы. Впрочем, для Кирилла он скорее из Плевцево, куда в школьные годы он часто и с радостью ездил на летние каникулы.

Михаил Юрьевич в саду был один. Отец Кирилла и его мать оставались внутри и не могли видеть, как горячо и сердечно их сын обнимался с этим приехавшим к ним родственником.

Да, Михаил родня, но не такая уж близкая, чтоб столь сильно радоваться его приезду, могла бы подумать мать Кирилла, Марина, если бы увидела эту встречу на ступеньках в сад. А вот отец, Сергей наверняка сам был бы не прочь обняться со своим кузенком. Всё-таки долгие годы, с детства до отъезда Михаила в Калининград, они отменно дружили. Конечно, те времена тесного общения давно остались позади, но его теплота всё ещё хранится в памяти и всплывает при редких нынешних встречах.

У Кирилла своя связь с Михаилом Юрьевичем и возникла она во время жизни Кирилла на летних каникулах в Плетнево. В то время в доме его двоюродной бабки Анны, если кто и был Кириллу по душе, так это дядя Миха – неугомонный ходок, многознающий говорун и, несмотря на свою грузность, любитель погонять мяч. Это дядя Миха водил его, ну заодно и своих детей на свободное лихое купание в речке и долгие безбоязненные прогулки по окрестным, ещё сохранившим в то время глушь, лесам.

А вот в прибрежной курортной зоне Балтики лесов нет, только защитные полосы, высаженные для укрепления песчаной почвы, и обильная зелень парков и садов. Вот и дом калининградских Смагиных окружён высокими, давней посадки тисами и соснами.

Шумели эти деревья вокруг дома, треплемые задувшим с моря ветром. Постанывали и шелестели довольно звучно, и в комнате, где расположилось отужинавшее семейство, был некоторое время слышан только их растительный говор.

Кирилла и Михаила Юрьевича, сидевших в креслах, разделял низкий столик. Они время от времени брали с него чашки с кофе, отхлёбывали и, взглядывая друг на друга, обменивались улыбочивыми кивками. Сергей Анатольевич с озабоченным видом сидел на диване один. Если куда и поглядывал, то тревожно за окно, где усилившийся ветер раскачивал деревья.

Но вот настал момент, когда в шедшие из сада звуки вклинился человеческий голос. Это заговорил Сергей Анатольевич:

– Ты бы, Кирилл, рассказал Михаилу, как вы, молодые архитекторы, задумали преобразовать Калининград.

Кирилл удивлённо приподнял брови и предпочёл отмолчаться.

– Вот-вот! Даже не решаешься сказать, – удовлетворённо закивал его отец. – То-то и оно.

Кирилл порывисто поднялся с кресла и, направившись из комнаты, заявил, что пойдёт посмотреть, как там его мать.

– Поди, поди, – одобрил отец. – А то она после нашего ужина что-то расклеилась.

Кирилл вошёл к матери. У дальней стены комнаты на фоне озарённого закатом окна темнел её силуэт: абрис выпрямленного торса, длинной шеи и узкой головы, покрытой пышными, мелко вьющимися волосами. Цвет их был сейчас чёрным, хотя Кирилл всегда их видел тёмно-русыми. От природы они такие или окрашены в такой цвет, этого Кирилл не знал. Но сейчас, когда он смотрел на мать, они были чёрными.

Марина сидела за высоким туалетным столиком, близко придвинутым к окну. Взгляд её был направлен в зеркало. Она смотрела туда окаменело, будто видела не своё отражение, а то, что тихо её ошеломляло. На звук шагов Кирилла она не шевельнулась.

Такой его мать ещё ни разу перед Кириллом не представляла – одновременно и трогательной, и пугающей. Подобным образом, вероятно, может восприниматься спящий, измученный болезнью человек.

Приблизившись к матери, Кирилл ласково положил руки ей на плечи.

Марина вздрогнула, слегка привскочив на стуле.

– Что? – сдавленно вскрикнула она и упавшим голосом добавила: – Ах, это ты. Что ты здесь делаешь? – холодно спросила она.

– Вот решил проверить, как ты. После ужина тебе ведь стало нехорошо.

– Всё в порядке. – Марина взгляделась в зеркало и похлопала себя по щекам.

Кирилл встряхнул головой и прислонился плечом к зеркалу туалетного столика. Правой рукой стал трогать стоящие на нём вещицы, пустяковые, женские. Однако одна показалась среди них примечательной – фарфоровая статуэтка дамы в резном под кружево наряде, сидящая за маленьким клавибором. Лицо её было кокетливо повернуто в сторону зрителя. Искусная вещица. Кирилл взял её в руки и, вертя, поднёс к себе.

– Поставь на место! – жёстко приказала Марина.

– Да не уроню я её! – Кирилл продолжал, чуть ли ни подкидывая, рассматривать фигурку. В какой-то момент статуэтка

вроде как стала выскальзывать из его рук. Марина выхватила её и поставила на столик.

– Очень прошу, не трогай её, – Марина отвернулась от сына и сгорбилась, будто унимая в себе испуг.

– Что это за вещица? Раньше её не замечал

Кирилл снова потянулся к ней, но мать гневно шлепнула его по руке.

– Ты чего? – поразился Кирилл. – Не понимаю. Я же никак не мог её уронить.

– Нет. Мог, – упрямо утвердила Марина.

– Ну уронил бы и что? – вскинулся Кирилл. – Что в ней уж такого!

– А то, что это.... Ладно, может, когда-нибудь узнаешь. А сейчас иди. У меня опять разболелась голова.

Дверь за Кириллом захлопнулась. Марина повернулась к туалетному столику. Пристальный взгляд на статуэтку, и на её лице появилось страдальчески сосредоточенная гримаска. Марина откинула голову назад, гримаска сползла. Возникло спокойное, суровое выражение.

Спустившись от матери вниз, Кирилл оказался у открытой двери в большую комнату. Взглянул через неё на сидевших там Михаила Юрьевича и Сергея Анатольевича. Они оба располагались на диване близко друг к другу и над чем-то оживлённо посмеивались. Кирилл без всякого интереса скользнул взглядом по этой картинке. Войти в неё не стал, а прошёл на кухню и достал из шкафа бутылку виски. Налил себе в стакан и в одиночку выпил.

Действительно, не присоединяться же к веселящимся в большой комнате братьям, пусть и двоюродным. Наверняка, речь у них идёт о чем-то, только их касающемся.

На самом же деле это не совсем так. В тот момент, когда на них смотрел Кирилл, речь у братьев шла об Анне Андреевне, отнюдь не чужом Кириллу человеку. На школьных каникулах в Плетнево она учила его играть в покер, часто готовила любимый его рассольник, и никогда ни за что не ругала.

– Но ведь она, – отвечая Сергею, пояснил Михаил, – совершенно от всего отстранилась. И, на мой взгляд, отнюдь не из-за физической слабости. Она для своего возраста ещё о-го-го. Нет, она сознательно выбрала для себя такую позицию, и всё мимо неё. Нет, не мимо, а..., – Михаил сделал паузу, не зная, как лучше выразиться, – не мимо, а отодвинуто. Вроде бы вникает, но как-то сверху вниз.

Тут он насупился и оглядел владения двоюродного брата.

– А помнишь? – обратился он к Сергею, требовательно вопрошая, – как она весь дом держала? Отец только и знал, что выполнять её распоряжения. Да...а, – протянул он. – Но готовкой и уборкой занималась сама, причём превосходно. Ты и сам должен помнить. Сколько бывал у нас в Плещево в студенческие наши годы! Теперь сестрица всем заправляет. Если приедешь, сам увидишь, как стало. По мне так уныло и неудобно. Но! – Тут Михаил поднял указательный палец вверх. – Всё предельно чисто, тут уж к сестрице не придерёшься.

– Дом, я думаю, всё ещё вполне крепкий, строили на совесть, со знанием дела, – отметил Сергей Анатольевич. – Последний раз, восемь лет назад, когда я у вас был, проверял – фундамент в отличном состоянии, а брёвна, видимо, столетней давности, ещё долго прослужат. Твой прадед, по-моему, из архангельской губернии их привёз.

Михаил Юрьевич пожал плечами и задумчиво поднял глаза к потолку.

– Завтра же – решительно произнёс он, – поеду на братскую могилу, где дед захоронен. Мама, думаю, будет довольна, если привезу оттуда фотографии, хотя сама ничего не просила, когда я уезжал. А ведь могла бы....

– Так она уже видела этот монумент сама. И потом, знаешь, она же отца своего почти не знала.

– Можно сказать, вообще не знала, – несколько взвинчено уточнил Михаил. – Ушёл на фронт, когда ей было четыре года, и погиб здесь, в Кёнигсберге в сорок пятом.

В саду стихло. Ветер спал. Дождя не стало. Ни треска, ни шелеста. Если и слышалось что-то через приоткрытое окно, то, может быть, только далёкий шум моря.

До моря два квартала частных домов, потом крутой спуск на берег, и вот оно – подвижное, играющее, пронизываемое и могучее. Подобно небу.

Михаил Юрьевич кивнул брату и направился к двери наружу. Теперь они стояли вдвоём на последней ступени в сад. Уперев руки в бока своего грузного торса, Михаил Юрьевич, насколько мог, откинулся назад и шумно втянул в себя воздух. Сергей Анатольевич несколько раз повёл в разные стороны головой.

– Да...а, – протяжно выдал Михаил Юрьевич. – Ощущать бездонность неба над головой и спокойствие в душе – вот это и есть счастливое состояние.

– Это ты так решил? – с ироничной вьедливостью полюбопытствовал Сергей Анатольевич.

– Нет. Это я Канта передёрнул.

– И когда же ты такое счастье испытывал?

– Да хотя бы сейчас.

– Ну да, семья далеко, а здесь никаких забот.

– Нет, кое-какие есть. Я ведь сюда приехал для работы в комитете по подготовке к юбилею Канта.

– Понятно, – крякнул Сергей. – Угроздило же этого Канта здесь родиться.

– И умереть, – уточнил Михаил.

– Да знаю я. Могила его на острове в полном порядке. – Тут на лице Сергея Анатольевича изобразилось некоторое неудовольствие. – И всё-таки мы должны здесь, прежде всего, своё утверждать. Красиво и прочно.

– И на здоровье! – добродушно пожелал Михаил Юрьевич.

– Так среди прочего эти прошлые застройки мешают. Сносить их все надо и свой стиль архитектуры утверждать.

– И какой это свой? Древнерусский, что ли?

– Что ты меня спрашиваешь! Я строитель, а не архитектор. Я только со своим сыном в спорах. Он считает, что нужно какие-то новые идеи и технологии совместить с тем, что было здесь раньше. Считает, что надо перерабатывать, совершенствовать архитектурные особенности Кёнигсберга. Это, по его разумению, путь к современному облику Калининграда. Так ведь мы же победители! Зачем нам их архитектура? Своя должна быть! – воодушевлённо заключил Сергей Анатольевич.

– Так ведь сильная культура, дорогой Сергей, не боится влияния чужих культур. Чего же нам отпихиваться?

– Нет, я понимаю, раньше ненависть была, – гнул своё Сергей, – а теперь, среди прочего, выгоды нет приводить старинные постройки в порядок. Денег много требует. Притом никакой окупаемости. Прибыль ноль. Туристы только бродят.

Михаил Юрьевич лишь развёл руками.

Снова поднялся ветер. Сильно похолодало. Сумерки сгустились. Зажгли внутри свет. Женщины были наверху, каждая у себя. Сергей с Михаилом потоптались в большой комнате. Чем заняться? Не расходиться же тоже по разным комнатам. Пошли вместе на кухню. Что ж питьё и еда вполне приемлемое совместное занятие. Вот Сергей с Михаилом за него и принялись. Тут и говорить особо ни о чём не надо. Можно просто

о пустяках вроде самочувствия и планах на отпуск. Но и такой разговор, в конце концов, утомил, и они замолчали, и каждый сам в себе что-то там в мыслях своих крутил вплоть до того момента, как решили разойтись. День завершился.

Для Ирины и Ксении следующий день начался с поездки на окраину Калининграда к Виталию в его мастерскую. Впрочем, он называл её – фирма «Эксамбер», сокращение от «Экстра амбер», то есть Превосходный янтарь.

Заведение Виталия располагалось у гаражного кооператива в длинном одноэтажном строении из панелей с кирпичной пристройкой для офиса. Туда, в эту пристройку, и направили женщин, поскольку им нужно было видеть владельца предприятия.

Небольшой коридор подвёл Ирину и Ксению к торцу, в котором неприметная дверь с табличкой «Виталий Петрович Померанцев». Как и положено, постучались, вошли и оказались в маленькой комнате с рядами стульев вдоль стен и компактным металлическим столом, за которым сидел искомый Виталий. Перед ним в некоем живописном порядке бугрились занятных форм куски необработанного янтаря. Ирина вперила в них цепкий оценивающий взгляд.

Ничего себе! Неожиданно. Сколько их? Как так?

А вот так. Краткое пояснение от Виталия: понял, какие фракции интересуют, вот и подобрал подходящие. Берёте?

Вызвал смущение; это же очень большие деньги.

Заверение от Виталия, что оплата потом. Если подходят, то можно брать сейчас. И пояснение: «У нас с Кириллом свои счёты».

– Если так, то берём всё! – выпалила Ирина.

Ксения с неким своим затаённым пониманием дёрнула уголками губ.

– Надо бы завернуть каждый по отдельности, – уверенным тоном заявила Ирина.

Принесли целлофановые пакеты. От намётанного глаза Ксении не могло ускользнуть, каким вдруг привлекательным стало простоватое лицо Виталия, когда он смотрел на бережно упаковывающую янтарь Ирину. Она делала это ловко и быстро. Ксения не сводила взгляд с Виталия, и эта её пристальность заставила его обратиться к ней.

– Так значит, вы с материка приехали, чтобы напрямую выйти на янтарь без московских ваших посредников?

Ксения вопросительно посмотрела на Ирину. Та подтверждающе кивнула.

– Правильно, – одобрил Виталий. – И я дам вам квитанцию и чек, чтобы никаких проблем на контроле в аэропорту не было. – Виталий откинулся на спинку своего рабочего кресла на колесиках и отъехал от стола. – Там будет значиться, что вы купили у меня двадцать три фракции янтаря.

– Как же так? Тут же ведь меньше.

– Ну так ведь как? – Я вам, вы мне....

Ирина недоверчиво поглядела на продавца, а Ксения хохотнула.

– Так нужно, – с нажимом произнёс Виталий. – Вам не надо сейчас платить, а чек выпишу, какой мне надо. Понимаете?

Тут за дверью в коридоре раздался какой-то шум и резкие, отрывистые возгласы.

– Забирайте янтарь и быстро отсюда, – распорядился Виталий и запер дверь комнаты на ключ. – Вам через этот ход.

Он показал на стеллаж, одна секция которого была закрыта дверцей. От нажатия на какую-то на ней точку она открылась.

– Как выберетесь, немедленно звоните Кириллу. Скажите ему, какая тут ситуация.

– А какая тут ситуация? – недовольно буркнула Ксения, дёрнув плечами от подталкивания Виталия под лопатку.

– Нестыковка из-за разграничения участков, – быстро проговорил он. – Он поймёт.

Дверца в стеллаже захлопнулась. Ирина с Ксенией оказались в узком коридоре. По нему покато вниз, затем довольно круто вверх, и вот они на открытом воздухе. Пустырь.

На дальнем его крае виднелся ряд деревьев. На левом его конце просматривался изгиб уходящей к горизонту дороги. По ней пробегали маленькие машинки, а вдоль неё игрушечно выступали многоэтажные дома. Если к ним выйти, то там можно будет взять такси.

По буеракам с редкой жёсткой растительностью Ирина с Ксенией двинулись по направлению к домам. Над пустырём гулял ветер, то слабее, то круче. Суровый ветер. Заставлял идущих опускать головы

– А квитанция?! – вдруг остановилась Ирина.

– И позвонить ведь должны, – вспомнила Ксения.

Связь поймалась не сразу. Наконец, Кирилл ответил. Долго объяснять ему не пришлось, быстро сказал, что всё понял, примет меры и отключился.

А какие такие меры он, архитектор, в этой ситуации может предпринять? А! Должно быть, кого-то подходящего знает, кто может уладить конфликт. Вряд ли в нём замешаны силовики. Те бы сразу ворвались в кабинет, а не шумели в коридоре. Видимо, какие-то тут внутренние разборки. А Кирилл много кому дома проектировал, и среди них наверняка есть авторитетный для этого дела человек.

– Мутная история. Всякое там намешано, – вот так объяснил Кирилл Ирине, что происходит в «Эксамбер», когда пришёл к ней в гостиницу.

– Но как быть с янтарём? У нас ведь нет на него документов, – тревожилась о своём Ирина, – В аэропорту ведь контроль.

– Будут вам документы, не волнуйся. – Кирилл с ласковой уверенностью легонько сжал Ирину плечо.

Какой же он надёжный и обаятельный этот Кирилл. И тянется эта его притягательность с детских лет. Влюблял в себя уже тогда. Особенно хорош был на речке, когда сверкал на солнце своим влажным, подвижным, загорелым телом. А как волнующе сменялась его озадачивающая замкнутость на осчастливливающую готовность что-нибудь этакое затеять.

Ирина облизнула губы и сделала глоток воды.

От прорвавшего облачность сильного потока света в номере гостиницы стало слепяще ярко. Кирилл задёрнул штору и открыл дверь на балкон. Внутрь проник с беспокойным напором уличный шум.

– А где Ксения? – неожиданно озаботился Кирилл. – Уже уехала в Москву? А я хотел ей показать один свой проект.

– Ей? – колко удивилась Ирина. – Нет, она ещё здесь. Работа у нас не закончилась. На твоём Виталии свет клином не сошёлся. Есть ещё продавцы.

– Ну и прекрасно! – мгновенно одобрил Кирилл. – А документы на янтарь у меня будут завтра утром. Затем мы поедем на обед к моим родителям. Ты ведь должна им показаться, как-никак племянница. – С острым лукавством Кирилл прищурился на Ирину. – Ты же вон какой стала и к тому же ещё и умница.

– Да? – девическая игривость изобразилась в Ирине облике. – Ты уверен?

– Ещё бы! Очень даже имеешь, что предъявить. Даже Виталий был весьма впечатлён, – с весёлой вескостью заверил Кирилл.

– Ну тогда я обязательно с тобой поеду! – подхватила в тон ему Ирина.

Как волнующе и пьяняще действует созвучие голосов. Пусть и несколько наигранное. Но оно, это созвучие всё же приятнее, чем раздирающий диссонанс. Хотя, как ни странно, в какой-то момент наступает пресыщение гармонией. И тогда возникает потребность в перепалке или стычке.

И всё же как славно бывает друг с другом после наполненного мелодичностью взаимодействия голосов. За ним может последовать и физическое сближение. Ну там тесное объятие или же сподобиться случиться поцелую. Однако у Кирилла с Ириной такое последование не произошло. Не тот накал чувств, не та сила притяжения.

Ирина и Кирилл отделились друг от друга, она – к чемодану на подставке, что-то в нём стала перебирать, он – на балкон, оглядел небо, ища там какие-то знаки, наверное, приближения дождя. Погода на Балтике переменчива.

Но никаких признаков того, что погода испортится не было. И Ксения под ясным небом двигалась по открытому, глянцево блестящему травяным покровом пространству. Шла пружинисто и слегка свысока поглядывая по сторонам. Мускулы и суставы работали с такой лёгкостью, что ещё немного и можно будет воспарить. Только, конечно, если к ощущению реальной силы молодого тела прибавится фантастическая свобода от земного притяжения. Но тогда – потеря почвы под ногами и улёт чёрт знает куда.

Однако Ксения крепко держалась ногами за землю, взгляд цепко искал то, что можно сфотографировать. И вот вроде бы попало нечто, что стоит взять и снять.

Среди густой буйной листвы, в просвете проступает красно-коричневая массивная стена с зубцами. Контрастное инородное тело вторглось в разгул живой зелёной жизни. По сравнению с растительной массой оно небольшое, но горит кровавым цветом агрессивно и яростно.

Камера взяла это явление и убрала в свою цифровую память. Возбуждение у Ксении спало, и она опустилась на скамейку, вытянув перед собой ноги в запылённых кроссовках.

Солнечное тепло всеохватно проникало в Ксению. Волны его энергии расходились по всем её внутренним разветвлениям, усиливая радостное в тот момент в них звучание. Всё тогда совпало – отличное самочувствие, удача со снимком и ясный яркий день.

Вот вам картинка – девушка на скамейке среди открытых солнцу лужаек так и лучится неутомлённым сочным бытиём. Не отметить её хотя бы на мгновение задержавшимся взглядом было бы невозможно.

Так и Кирилл, который попал после встречи с Ириной в тот же парк по пути к приятелю, не мог Ксению не заметить. Она притягивала открытым наслаждением жизнью. И Кирилл свернул с главной аллеи и оказался рядом с ней.

Она сидела, вытянуто откинувшись на спинку скамейки, закрытые её веки подрагивали, а губы то слегка растягивались, то собирались, словно бы в причмокивании. Забавная была у неё физиономия. И очень милая.

Кирилл тихо опустился на дальний от Ксении край скамейки. Пусть она сама почувствует, что рядом с ней кто-то есть.

И Ксения почувствовала, что возникло какое-то нарушение в обтекающем её потоке света. Она открыла глаза и посмотрела туда, где это нарушение возникло.

– Вот это да! – по-детски открыто восхитилась она. – Только о вас подумала и тут вы!

– Ну да, это я, – улыбочиво подтвердил Кирилл.

– А я здесь фотографировала, – живо сообщила Ксения.

– Ну и замечательно, – мягко сияющим, чуть снисходительным взглядом Кирилл обнял Ксению.

Чертовски волнующим был этот взгляд. Ярко серые с тёмным ободком радужки привлекали к себе и затягивали в чёрный провал зрачков.

Ксения задорно фыркнула и коротко рассмеялась:

– А вы, что, знали, что я здесь?

– Предполагал.

Обнадёживающий ответ. Однако Ксения смешливо засомневалась:

– Ну нет! У вас наверняка здесь какие-то дела.

– Не прямо здесь, но поблизости.

– Какой-то ваш проект тут строится?

– Нет. Здесь неподалёку в планетарии мой приятель работает.

– И вы, что, тоже интересуетесь астрономией? – с колкой кокетливостью спросила Ксения.

– Просто мне надо передать кое-какие бумаги. Планетарий – частное предприятие моего знакомого.

– Солидное заведение?

– Нет, совсем маленькое. В стене старинных железнодорожных ворот. Но носит большое имя – Фридриха Бесселя.

– Бесселя, – повторила Ксения, как бы усваивая это слово.

– Был такой профессор Кёнигсбергского университета. Знаменитый астроном.

– Понятно, немец, – что-то про себя соображая, тускло протянула Ксения.

– Жил в позапрошлом веке. Ещё до мировых войн.

Тут Ксени воодушевилась:

– Раз мы с вами так удачно тут встретились, незачем сразу расставаться. Ваш приятель подождёт, а мы можем побыть здесь вместе. Тут ведь неплохо. Есть где погулять. И нам вместе, по-моему, хорошо, а?

Кирилл вперил в Ксению пытливым взглядом.

– Ксюша, сколько вам лет?

– Мне? – поразилась Ксения.

– А то мне кажется, что вы только школу окончили.

– Вот вы как! – возмущённый возглас

– Обиделись? Значит, вы ещё маленькая, – миролюбиво заключил Кирилл.

Ксения неприязненно на него покосилась, а в ответ получила:

– И совершенно очаровательная.

Ксения поперхнулась смешком и выпалила:

– А вы – ужасный!

– Конечно! – охотно согласился Кирилл. – Но всегда готов к вашим с Ириной услугам. – И шутливо старомодным поклоном подтвердил это

Откинувшись назад на спинку скамейки, Ксения изучающим взором обозрела Кирилла, хмыкнула и перевела взгляд на деревья.

– Мало тут нашла, что сфотографировать. Нет у вашего города своего определённого лица. То скалятся зубцы, то голость и серость, то потуги на красоту и поиски за что уцепиться, кроме воинской славы.

На лице Кирилла изобразилось хмурое удивление.

– Трудно что-либо согласовывать с властями, – разжал он губы. – Похоже, сами толком не понимают, как тут строить. Да и дразг, разногласий много.

Ксения поежилась и поскущнела.

– Понятно, – тускло отозвалась она. – Совсем забыла! Мы же с Ириной должны сейчас ехать в одно место. – Ксения поднялась на ноги. – Янтарь отбирать. Его, конечно, снимать интересно. Но этого мало.

Ксения прощально кивнула и зашагала прочь. Шаг у неё пружинист и твёрд.

Кирилл вдруг спохватился и крикнул ей вслед:

– Завтра мы едем к моим родителям к морю. Я уже с Ириной договорился.

Ксения, не оборачиваясь, приветственно помахала рукой.

Ирина встретила Ксению, как договорились, у входа в гостиницу. Такси уже было наготове, и они отправились на последний отбор янтаря для тюменского заказчика.

Фабрика, куда они ехали, – небольшое частное заведение на отшибе приморского городка. Находилась она под боком Большого брата, хозяина всей добычи сырца в Калининградской области. Лишь у него, у КЯКа можно приобретать добытый в этой земле янтарь и только большими партиями через аукцион.

Размашисто действует янтарный комбинат. Такие гигантские карьеры роет, будто добывает не осколки окаменевшей древней смолы, а разрабатывает пласты каменного угля. В циклопических ямах действуют промышленные экскаваторы КЯКа, а на поверхности хозяин жёстко и крепко держит реализацию добытого янтаря. Ускользнуть из его хватки удаётся лишь мелким группам ловцов солнечного камня. Промышляют эти ловцы удачи упорно, неистребимо, с риском, когда для своей свободы, а когда и для жизни.

Частная фабрика у побережья была последним местом, где Ирине удалось договориться отобрать из закупленной у КЯКа партии подходящий янтарь. Фабрика эта стояла на пустыре среди непонятно когда и кем разрушенных строений, чьи останки – щебень, битый кирпич, руина стен и фундаментов покрывали, как поле брани, территорию вокруг щитовых строений фабрики.

То, что высыпали из мешка перед Ириной на длинный смотровой стол, выглядело бурым хламом. Сырец был однотипной булыжной формы. Ирине не хотелось так сразу, сходу всё

отвергнуть – очень уж радушно их встретили на фабрике. Она сделала вид, что углядела какие-то стоящие внимания обломки, брала в руки, вертела и, отрицательно мотнув головой, откладывала. Главный технолог вздохнул и признался, что партия оказалась неудачной. Но на фабрике есть мастера, так что делают из того, что есть, вполне сносные изделия.

Ирина с Ксенией пошли на выход, смахивающий на гаражные ворота. Весь сырец остался на длинном столе. Что уж делают из него фабричные умельцы – это их забота. Одно сейчас хорошо – добраться отсюда до моря не составляет труда.

Вскоре Ирина с Ксенией уже шли под лиственным сводом старинного курортного парка. Узорчатая сень слегка колыхалась и вспыхивала проникающим сквозь листву солнечным светом. Под этим празднично играющим сводом спадало обычная для деловой жизни напряженность и становилось по-детски легко. Полное отпущение всех тягот. Ирина с Ксенией плавным летящим шагом двигались, не отдаляясь друг от друга.

Но грабовая аллея не бесконечна. Кончилась выходом на крутой открытый берег. Холодя, дует здесь балтийский ветер, и с глухим ворчанием шумит прибой. Ирина сосредоточила взгляд на широких мазках волн по песку, а речь свою направила на Ксению:

– Ты опоздала в гостиницу на полчаса. Где ты была?

– В Луизенвале. А потом в парке Победы.

– Ну и как? – не отрывая взгляд от свинцовых вод, полюбопытствовала Ирина.

– Нормально. Ухожено. Зелёно.

– Я имею в виду: нашла, что сфотографировать?

– Пару снимков сделала. Ничего особенного не увидела.

– Понятно, – удовлетворённо произнесла Ирина. – Неудачный во всех отношениях день. Ну ничего, всё равно в целом поездка ненапрасна. Заказчик одобрил те фракции янтаря, которые мы сумели добыть. В общем, работа закончена. Завтра полный отдых. Можешь заняться, чем хочешь. А я еду к родственникам в Светлогорск.

– Одна?

– С Кириллом.

– К его родителям? Он и меня позвал.

– Тебя? Когда? Ты, что, с ним виделась? Почему мне не сказала? – наскочила на Ксению Ирина. – Это нечестно. Кирилл – мой родственник. Ты никакого отношения к нему не имеешь, не навязывайся.

Ксения оборонительно подобралась и металлическим голосом заявила, что раз так, то завтра утром улетит в Москву.

Обиделась? Ничего, она молодая, крепкая, благополучно переварит обиду. Желает завтра в Москву? В добрый путь.

– Деньги за работу я отдам, когда вернусь. Идёт? – с испытующей улыбкой Ирина обратилась к Ксении.

– Конечно, – Ксения просвистела несколько нот какой-то мелодии. – А теперь я хочу прогуляться одна. Привет!

Ксения перебивчатым шагом, вприпрыжку сбежала по лестнице к пляжу. Ирина осталась на месте, неотрывно следя за движением юной своей напарницы, за лёгким натугом её ног, вытягивающим их из песка, за вдруг возникающим взмахом рук, ловящих порывы солёного солнечного ветра, за беспечным Ксениным наслаждением своим существованием, отвергающим все поползновения его расстроить.

Истончалась Ксенина фигурка по мере удаления к морю, и, когда стали неразличимы подробности её облика, Ирина развернулась и направилась прочь.

В оцепенелом спокойствии вернулась на такси в гостиницу, переделась и спустилась в бар. Села за стойку. Два джина с тоником растянула на весь оставшийся вечер. И за весь этот вечер к ней никто не подходил. Была Ирина сурова и сосредоточена на мыслях о себе любимой, работающей и знающей, в меру семейной и свободной, решительной и справедливой, и ничего никому не должной.

Добралась она к себе в номер в полном расслаблении и сразу грохнулась спать. Крепкий, неизвестно что рисующий сон. Когда проснулась, напарницы и след простыл. Нет её вещей. На столе записка: «До встречи в Москве».

Ветер гнал длинные, слоистые облака над побережьем Балтики. Гнал с запада на юго-восток. Низко неслись облачные чёрно-серые нагромождения, и, казалось, какое-то из них вот-вот врежется в шпиль эркера, сохранившегося от прежних хозяев. Теперь он украшал дом Сергея Смагина.

Надо отметить, Сергей Анатольевич довольно умело преобразовал старую виллу в современное жилище. Кто там, в далёкие, довоенные времена, в ней жил, калининградское семейство Смагиных не знало и не интересовалось. Впрочем, нет, Кирилл как-то сделал попытку выяснить историю этого места,

но добыть сведения оказалось слишком хлопотным, да и вообще зачем это знать.

Старое обветшалое строение Сергей Анатольевич поднял из запустения лет пятнадцать назад. Теперь живёт в нём основательно со своей супругой, принимая в нём сына и реже различных родственников из разнообразных краёв материковой территории.

На этот раз гостившим родственником был Михаил Юрьевич Корин. Для приехавшей с Кириллом Ирины это было неожиданностью, никто ей не говорил, что дядя Миха сейчас в Калининграде. Заметила его Ирина не сразу, сначала всё её внимание захватили родители Кирилла.

Сергей Анатольевич, взяв Ирину за руки, притянул их к себе и, восхищённо глядя на молодую женщину, приговаривал: «Вот ты какая теперь! Вылитая бабка Анна». На что Ирина: «Ну уж скажете!», и раздвинула губы в улыбке. Тем временем его жена Марина тихо, но отчётливо выговаривала сыну за то, что не привёз ей внука. «Да будут они, будут, но позже», – оправдывался Кирилл.

Наконец, хозяева отступили от приехавших, и тут Ирина заметила стоявшего за их спинами в отдалении Михаила Юрьевича. «Дядя Миха! Вот это да!», воскликнула с такой живостью, так обрадовано, что у остальных могло сложиться впечатление, что именно его, а не хозяев ей было радостно здесь встретить. Сергей Анатольевич и Марина Вячеславна расступились и московские их родственники крепко обнялись. словно давно не виделись, они стали сбивчиво друг друга расспрашивать, как и что, и почему в этих краях оказались. Марина Вячеславна издала подчёркнуто терпеливый вздох, а хозяин дома предложил что-нибудь крепкое перед обедом выпить.

После вполне чинно прошедшего обеда Сергей Анатольевич повёл московских родственников смотреть сад. Теперь, объявил он, сад его полностью обустроен.

Прежде всего приезжим надо было показать альпийскую горку, затейливо утыканную хвойниками и камнями. По ней с некоторой высоты струился ручеёк извиристо, с водопадами. Сооружением этим должно было восхититься, что и сделали Ирина с Михаилом Юрьевичем.

Удовлетворившись, хозяин сада повёл смотреть кусты рододендрона, пышно окаймлявшие газон позади дома. Но тут у Михаила Юрьевича в кармане раздался трезвон мобильного.

Нужно было отойти подальше, чтобы телефонный разговор не мешал хозяину сада рассуждать о своём удачном подборе зелёных насаждений. Выслушивать эти рассуждения пришлось одной Ирине. Вглядывалась она в Сергея Анатольевича пристально, однако представляется, что ей хотелось понять не то, что с тяжеловесной убеждённой ей говорилось, а то, если какое-то сходство между костистым, с жёсткой уверенностью вещавшим Сергеем Анатольевичем и его сыном Кириллом, таким обаятельно лёгким и умело к себе привлекающим. Никакого сходства. Далеко откатился от своего отца Кирилл и не только внешне. Каждый из них сам по себе свой образ лепит, по-своему себя утверждает.

Ирина рассеяно кивала на слова Сергея Анатольевича, а тот, не замечая, что происходит с его слушательницей, пел своё.

Тем временем Михаил Юрьевич выслушивал доносящиеся из далёкого Пльещево взвинченные излияния своей сестры Елизаветы. Срывающимся от волнения, полным отчаяния голосом она рассказала о ситуации на суде в Пльещево, видимо, рассчитывая вызвать у брата горячий, поддерживающий её отклик. Но единственное, что она от Михаила добилась, это несколько раз им повторенное: «Да пустяки всё это».

Однако может ли быть пустяком то, что случилось на прошедшем заседании суда, где рассматривался иск Хвощёвых к их дому? Судите сами: когда разбирательство уже шло к концу и, возможно, в пользу Елизаветы, в зале суда вдруг появилась Анна Андреевна. Она подплыла к столу судьи и заявила, что ей есть, что сказать по поводу рассматриваемого дела.

– И тут она понесла такую околесицу! – взвизгнула Елизавета в ухо брату. – Я просто обомлела. И судья тоже.

«Околесица» Анны Андреевны крутилась вокруг двух предъявленных ею, пожелтевших от времени документов. Говорилось в них о сделках, со всей очевидностью не состоявшихся. Обе они заключались в одном и том же – в передаче Василием Фёдоровичем Смагиным, причём безвозмездно, четырёх соток занимаемой им земли в Пльещево и трети жилого помещения, там же расположенного. Отличались эти документы лишь датами и именами получателей части земли и жилплощади. Один был от 20 декабря 1937 года, и значилось там имя некого Зыкова Петра Афанасьевича. В другом дата стояла 15 января 1938 года и приобретателем по ней был Сапожников Лев Семёнович.

По какой причине сделки не состоялись, документы не проясняли, как и то, куда делись Зыков и Сапожников. Исчезли и всё.

Но после этого сам Василий Фёдорович Смагин не долго пробыл на своей земле, но не потому что могло всплыть заведённое на него ещё в 1936 году дело, а потому что вскоре умер своей смертью.

– И знаешь, что наша мамочка сказала судье, когда та её спросила, к чему она эти документы предъявила? – донеслось до Михаила из Пळेщево. – Сказала, что хотела показать, что все эти разборки с землёй – мутная история, и судить кому, что и почему причитается – гиблое дело. Сказала такое судье и гордая сама собой, не сказав больше ни слова, выплыла из зала.

Вполне можно представить себе, что после этого у судьи разболелась голова, и она объявила заседание суда закрытым. Следующее назначила через неделю.

– Что делать? – простионала в трубку Елизавета. – Я ведь теперь с мамой не разговариваю.

Ответить на это Михаил Юрьевич не нашёл ничего другого, как то, что делать ничего не надо и что через два дня непременно будет в Плетнёво. После этого отключил связь.

Тут из открытого окна эркера на втором этаже вылетели звуки плачущего женского голоса: «Гс...! Гс...! Господи!». Затем пошёл приглушенный, отрывистый говор двух голосов.

Трое в саду вскинули вверх головы.

– Побудьте пока здесь, – бросил на ходу Сергей Анатольевич, направляясь в дом.

Ирина, недовольно потоптавшись на месте, двинулась по дорожке к калитке и вышла на улицу. Её нагнал Михаил Юрьевич.

– Ты куда, Ириша? – Он приобнял её за плечи.

– Терпеть не могу воплей. О чём бы то ни было. Тут где-то недалеко должно быть море

Михаил Юрьевич махнул рукой вправо, идти надо туда.

Вдоль ведшей к морю дороги тянулась поделённая на участки земля. На каждом – какое-то строение. Чередовались то полный упадок с бурьяном и поваленным забором, то вполне благообразная новизна с аккуратными газонами и приличными жилищами за низкими решетчатыми оградами. Колебания от запустения к порядку были резки и тревожны. От них определённо может возникнуть ощущение неустойчивости происходящего. Вероятно, поэтому лицо у Ирины то неприязненно напрягалось,

то успокоено разглаживалось, а потом снова возникала гримаска недовольствия.

– Что-то тут как-то не очень..., – вырвалось у неё.

– Ничего, когда-нибудь здесь всё благоустраится. Возможно, даже в ближайшее время, – бесстрастным, уравновешенным тоном заверил Михаил Юрьевич, и через паузу добавил: – Конечно, если снова не будет войны.

Дальше шли молча. Крутые виражи дороги шли вниз. И вот оно – свободное, единое, без видимых границ море. Земли под ногами – лишь узкая кромка, а перед глазами – водное пространство до самого горизонта. Невидима его глубина, а поверхность морщат легкие волны. Бугристая их текучесть играет свинцовыми, лазурными, жемчужно светлыми и зелёноватыми красками. Внутри в сторону моря смотрящего – тонкий, вибрирующий отклик на родство с этой могучей стихией и всё же очевидную от неё отдельность.

Вернувшись, Ирина и Михаил Юрьевич застали хозяина дома и его сына в гостиной. Сидели на диване они устало и опустошённо, вполоборота друг к другу. Кирилл глаз на вошедших не поднял. Отец его, Сергей Юрьевич кивнул вернувшимся и жестом указал на бутылку виски на столике подле дивана, мол, давайте угощайтесь. Что Михаил Юрьевич и сделал, пояснив, что продрог. Ирина села в кресло подле Кирилла и тихо спросила, что произошло. Ответил не Кирилл, а его отец:

– Ничего уж такого страшного. Разбилась одна старинная вещица. Можно считать, семейная реликвия.

– Да? – Ирина вопросительно посмотрела на Кирилла.

– В общем, да, в какой-то степени, – буркнул тот.

Расплывчатый ответ. Но даже если бы Ирина стала настойчиво допытываться, что за вещица разбилась, ничего бы не узнала. Ни у отца, ни у сына не было настроения давать какие-то разъяснения. Вместо этого Сергей Анатольевич сам потребовал от Михаила Юрьевича объяснения, где тот больше часа вместе с Ириной пропадавал.

Вопрос этот Михаил Юрьевич пропустил мимо ушей. Его понесло совсем в другую сторону. Принялся он, отбросив свою обычную уравновешенность, восклицать: «Как же так! Сколько времени уже здесь хозяева! А всё никак! Формы тут своего существования всё ещё не нашли. Освоение беспорядочное, с оглядкой. А скудоумное торгашество так и прёт. Что-то стоящее – пятнами, а так полно безвкусицы и пустых пространств.

Что хотим от этой территории кроме, конечно, военного форпоста, никак не решим».

Что на это сказать? Таким уж получился Михаил Юрьевич: что ранит его глаз, то ранит и его сердце.

Реакция Сергея Анатольевича на излишняя гостя была ворчливо уклончивая: «Денег мало. Да и кому дают! Однако стараемся».

Кирилл, глядя в сторону, усмехался, но было заметно, как рука его на подлокотнике то подрагивает, то постукивает пальцами. В этот момент он мог показаться притягательно возбуждённым и в то же время элегантно отстранённым. Ирина взяла и погладила его оголённое запястье. Кирилл слегка дёрнулся и повернулся к ней.

– Всё в порядке? – от неё вопрос.

– Что?

– Ну там, наверху. Марина Вячеславна успокоилась?

– Нормально. – Взгляд Кирилла стал мягче и светлее.

Ирина воодушевилась и смело продолжила.

– Но что всё-таки произошло? Такой шум действительно из-за статуэтки?

– Длинная история. – Кирилл отвернулся.

Ирина опять погладила Кирилла, на этот раз по плечу. Кирилл круто поднялся и пошёл наверх.

Его мать лежала на кровати, прикрыв глаза ладонью. Сев на край постели, Кирилл коснулся её приподнятого колена.

– Ещё раз прости, – выдавил он из себя. – Я же не нарочно. Я ведь не знал. Могла бы и раньше мне всё рассказать.

Марина повернулась на бок и, сложив ладони вместе, подложила под щеку, всем своим видом показывая, что разговаривать больше не хочет. Но Кирилл не унимался:

– И, что, этот Кристоф Геллер больше ни разу сюда не приезжал с тех пор, как его тогда депортировали?

Когда это «тогда»? Надо думать, что в году сорок седьмом, на второй год после войны. В тот год почти всех немцев, кто не попал в плен, отправили из побеждённого Кёнигсберга в оставшуюся Германию. Значит, военнопленным Кристоф быть не мог. Должно быть, не взяли его в армию по какой-то серьёзной причине. Может быть, он был слишком близорук? Ну да, он же – студент Кёнигсбергского университета, тонкий филолог с плохим зрением, в толстых очках. Но высок, белокур и нежен. Иначе бы не привлёк к себе медсестру из военного госпиталя,

кем в те давние времена служила прабабушка Марины. И к тому же представляется ещё, что мать Кристофа должна была родиться в Петербурге, в семье русских немцев. А потом перед революцией её семья оказалась в Пруссии. Всё может быть.

Марина вскочила с постели и встала у окна спиной к сыну.

– Ты не понимаешь, – проговорила она в окно, – что значило тогда иметь связь с немцем. В лучшем случае арест. Потому твоя прабабка и вышла замуж за своего из госпиталя. Она была тогда беременна. Лев Аркадьевич, можно сказать, её спас, позвал замуж. Может, действительно влюбился. Он намного старше её был. Вся его семья погибла в Смоленске.

Марина упёрла ладони в стекло окна.

– Вот так мы стали Гинзбурги, – глухо произнесла она.

– Надо же! – натужно хохотнул Кирилл. – Я-то всегда считал, что во мне есть еврейская кровь, а оказалось – немецкая.

Кирилл поднялся с кровати. Пара шагов, и он прислонился плечом к стене, глядя в спину матери.

– И всё-таки не понимаю, – жёстко бросил он ей, – что ты из-за какой-то немецкой статуэтки так жутко расстроилась. Ты же этого своего деда совсем не знала. Да и мама твоя его в глаза не видела.

– Нет, видела. И я видела. Он был здесь. В девяносто пятом году. Разыскал нас. Он всё помнил.

– И как он здесь в Калининграде себя чувствовал? – едко поинтересовался Кирилл.

– Не знаю, – огрызнулась Марина, развернувшись от окна. – Держался стойко, хотя был уже глубокий старик. Сухонький такой, узкоплечий старичок. Но не сентиментальный. Мы сидели в ресторане гостиницы. По городу он пройтись не захотел. На следующий день улетал на какую-то конференцию в Москву. Помню до сих пор его нежный, какой-то необыкновенно душистый поцелуй на прощание. Что он привёз мне в подарок, я давно сносила. Только та статуэтка, которую ты разбил, и оставалась от него. Он тогда дал её бабушке. Она просто обомлела, когда увидела. Прижала её к груди, замерла, а глаза поражённо, со слезой моргают. Маме пришлось подтолкнуть её под локоть, чтобы она очнулась.

– Наверняка эта фарфоровая дама была из того дома, где она встречалась со своим Кристофом, – сурово постановил Кирилл. – Вся семья его уехала вглубь Германии, когда наступали наши. А Кристофа, я полагаю, оставили присматривать за домом.

Посчитали, что, если город сдадут русским, то его не тронут. Он же не был военным. Так? Он ведь был студентом?

Марина неопределённо повела головой и отошла от окна. Приблизившись к сыну, взяла его под руку и по-девичьи доверчиво склонила голову на его плечо.

– Этот Кристоф Геллер, – полушёпотом проговорила она, – очень мне тогда, в детстве, понравился. Такой спокойный, элегантный, ласковый. Я очень ждала, что он снова приедет.

Кирилл высвободился от матери и сел в кресло у кровати.

– Странная история, – заявил он. – А Лев Аркадьевич как? Он как прореагировал на появление Геллера?

– К тому времени он уже умер. А Кристоф больше не приезжал.

– Что, тоже умер?

Марина пожала плечами и опустила на стул перед туалетным столиком, на котором ещё днём стояла мейсенская дама за клавикордом. Теперь её там не было.

– Ну так что? – Повернувшись к сыну, Марина Вячеславна вскинула голову, осанисто расправила плечи и выжидательно посмотрела на Кирилла. Чтобы он что? Как-то проявил своё отношение к ею сказанному? И тут Кирилл сделал то, чего, скорей всего, Марине совсем не хотелось от него получить – ничего не сделал, просто остался молча сидеть в кресле и сумрачно глядеть на мать.

Тогда она сама поманила его к себе. Тут он, наконец, двинулся, но в паре шагов от матери остановился. Они мерились взглядами. Первой не выдержала мать и спросила:

– Будешь здесь ночевать или к себе поедешь?

Спустившись от матери вниз, Кирилл тотчас заявил, что ему пора ехать обратно. Оборвал этим громким возгласом рассуждения отца насчёт проблем со старыми немецкими постройками и преимуществ их сноса.

Отец негодуя зыркнул на сына. Нарочно ведь он, этот Кирилл, так сделал! Он-то ведь за дорогостоящую реставрацию. Но ведь время немцев здесь давно прошло, всё, кончено. Ну, ничего, пусть забирает Ирину. Остаётся Михаил. Он-то историк. Должен понимать неизбежность конца построек побеждённых.

Сергей Анатольевич с явным намерением продолжить перед Михаилом Юрьевичем свою речь повернулся к нему. Но тот был занят Ириной, прощальными с ней поцелуями и помахиванием рукой ей вслед. Сергей Анатольевич досадливо допил свой стакан виски и расслабился. Ораторский задор пропал.

Обратный путь в город шёл в темноте. Тёплый свет частых фонарей вдоль трассы не умалял давящей со всех сторон массы ночи. Ирина взбадривала себя, прислоняясь к холодному стеклу бокового окна, поёрзывая на сидении, время от времени она поворачивала голову к молчавшему Кириллу. Его лицо было неприязненно оледеневшим.

Однако Ирина умудрилась домыслить то, что ей хотелось, чтобы в Кирилле было – чувствительность, ранимость. Несомненно, его что-то саднит внутри. Что-то его уязвляет в родительском доме, вот он и едет оттуда, сдерживая ледяным оцепенением душевное своё кровотечение. Наверняка это из-за его отца. Он ещё тот самодовольный деляга. Да и мать его – высокомерная особа. А с Кириллом надо тонко, мягко...

Но сейчас что с ним делать? Как растопить хоть проталинку в его заледенелости? А ведь они с Кириллом схожи, оба чувствительны и ранимы, и ей тоже приходится в семье обороняться. И это сходство так обнадеживающе ощущалось на янтарном побережье, и не меньше, когда он водил по городу.

Однако ничего не помогало расшевелить Кирилла, ни нежное подталкивающее касание плечом его плеча, ни глубокие сожалеющие вздохи. И хоть бы поинтересовался, из-за чего рядом с ним так вздыхают!

Не выдержав, Ирина в сердцах воскликнула:

– Да в чём дело, Кирилл? Что ты такой смурной? Просто не по себе от этого.

Искряще, со слезой получается у этой женщины возмущаться. Кирилл удовлетворённо усмехнулся и, расслабляясь, откинулся на спинку сидения. Оторвав одну руку от руля, он коротко провёл пальцами по Ириной щеке.

Пронизывающее прикосновение. А тут ещё Кирилл, наконец, заговорил и вроде как ласково:

– Ну как тебе, Ириша, Отрадное? Ты ведь прошлась по посёлку.

– Не знаю, как лучше сказать, – вкрадчиво начала она. – Я всё-таки не понимаю, почему твой отец при его деньгах выбрал это место. Нет, конечно, зелени много, и море рядом, но столько неухоженности, запущенности...

– Не знаю. Решил так и всё. Сам я там не живу. – Кирилл провёл ладонью по лбу и убрал за ухо свесившуюся ему на щеку прядь волос.

Хороши у него волосы, тёмно-русые, густо волнистые. Недаром отпустил их чуть ли не до плеч. Ирина лёгким

прикосновением откинула прядь от его шеи. Кирилл принял это с приятной снисходительностью. Что ж, и то хорошо.

– Интересно, – задумчиво выговорила Ирина, – а как в Отрадном было при немцах?

– При немцах Отрадное, кажется, называлось Георгенсвальд. И было здесь, я думаю, попроще, чем в соседнем Раушене, но наверняка аккуратнее, чем сейчас. А, впрочем, кто его знает.

– Да уж эти немцы..., – мрачновато протянула Ирина и посмотрела в окно. За пределами освещённой трассы расплывчато проносились неровным строем очертания жилищ, деревьев и провалы полей. – А моего прадеда немцы тут убили. Погиб в Кёнигсберге.

– Да, известное дело, – быстро проговорил Кирилл и пошёл на обгон давно маячившего заляпанным задником фургона.

– Теперь вы тут живёте, – констатировала Ирина. – Немцев не осталось.

– Да нет, немцы здесь есть.

– Вряд ли они тут заметны.

Кирилл вдруг свернул на обочину и остановил машину. Вышел и обстучал ногой колёса. Вернувшись, пояснил:

– Показалось, что шина спустила.

Кирилл зачем-то включил кондиционер, да ещё на охлаждение. Внутри стало прохладно. Ирина недоумённо покосилась на Кирилла. У того снова сделался отстранённо заледеневший вид. Чтобы согреться, Ирина стала растирать предплечья. На водителя это никак не подействовало. Кирилл даже не взглянул в сторону замерзавшей. Так и доехали до гостиницы.

Поёживаясь, Ирина поспешно вышла из машины. Кирилл тотчас отъехал.

На следующий день у Ирины – отлёт в Москву. Всю дорогу в движущейся мозаике её мыслей то и дело возникал притягательный, несколько подпорченный льдом образ Кирилла, идущего по краю моря с развевающимся ореолом русых волос и глядящего её по щеке.

У Кирилла – без всяких, даже подспудных мыслей об Ирине поход в администрацию на обсуждение того, что делать на Королевской горе с Домом Советов.

Действительно, что делать? Там ведь всё ещё маячит призрак Королевского замка, видимый на бесчисленных изображениях старого Кёнигсберга. Во плоти же высятся среди

бурьянного пустыря на месте разбомблённого замка бастионные стены заброшенного Дома Советов. Идей, как с этим быть, полно, глаза разбегаются. Сосредоточиться на чём-то одном пока не получается.

Разбитым вышел Кирилл после очередного обсуждения проектов в администрации. Ничего окончательного решено не было. Застраили в многословном соперничестве предлагаемых планов и яростной борьбе за средства и землю.

Но вот Кирилл уже под открытым небом пустой площади. Вольный ветер гуляет над свободным от застроек пространством. Ловит ноздрями Кирилл движимый ветром воздух, наполняется свежестью и распрямляется.

Теперь Кирилл уже нацелено выходит на прямую проспекта. По его сторонам рядом выставили прянично весёлые фасады приземистые пятиэтажки с надстроенными ступенчатыми фронтонами. Кирилл привычно на этом месте прикрывает глаза. А вот у встречающих туристов глаза распахнуты и нередко довольные улыбки.

А в самом деле чего ж не улыбаться карнавальному ряду неузнаваемых под ганзейским гримом неказистых пятиэтажек. Веселее же они так выглядят, под гримом-то. А уж на большее средств нет, не взыщите.

Свернул Кирилл с проспекта в первую же боковую улицу налево. Строения на ней приглушённых тонов, фасады прикрыты ветвистыми деревьями. Спокойный, ничем не раздражающий глаз архитектора – путь к намеченной цели. Однако цель эта через несколько шагов оказалась отменённой. Пришло Кириллу сообщение на мобильник, что условленная встреча не состоится. Объяснение от жены Кирилл получит дома.

По виду Кирилл несколько не был этим расстроен. Бодро продолжал двигаться вперёд, будто знал, что впереди его ждёт что-то такое, из-за чего стоит продолжать движение.

А ведь и правда, всегда же может произойти что-то стоящее того, чтобы продолжать путь, не так ли? И почему бы не случиться у Кирилла другой встречи вместо отменённой. И вот перед ним откуда ни возьмись – Михаил Юрьевич.

– Как это ты тут оказался? – обрадовано удивился Кирилл.

Появление Михаила Юрьевича ещё с детских лет вызывало у него подспудно волнующее жжение в груди и ожидание чего-то замечательного. И хотя далеко не всегда что-то замечательное,

действительно, происходило, это ощущение каким-то образом каждый раз возникало.

– Да вот хотел тут рядом взять кофе на вынос, – ответил тот, – и пойти к Канту в сквер.

Пошли вместе, Михаил Юрьевич – слегка прихрамывая. Купили по стаканчику кофе и устроились на скамейке напротив Канта, стоящего на постаменте со шпагой и треуголкой в руке.

Молча на него поглядывая, Михаил и Кирилл потягивали кофе под шелест листвы и щебетание птиц.

– Ну как, Кирилл, всё нормально прошло с властями? – подал, наконец, голос Михаил Юрьевич.

– Если считать, что нормально это – как всегда, то да, – отшутился Кирилл.

– Тогда предлагаю, – Михаил Юрьевич полез внутрь своей обширной куртки и достал фляжку, – давай выпьем за нашего Канта. – И разлил содержимое по пустым бумажным стаканчикам.

Кирилл понюхал налитое в своём, одобрительно хмыкнул, однако возразил.

– Какой же Кант наш. Он кёнигсбержец, а мы калининградцы.

– Не ожидал от тебя такого возражения, – незлобиво пыхнул Михаил Юрьевич. – Ты – и вдруг не берёшь в свои великого мыслителя. А ты знаешь, что у него помимо критик и такого разума, и сякого подробно разработан план «Ко всеобщему миру»? Идеализм, конечно, но крепкий идеализм. Да и вообще надо усвоить, что в культуре как территории духа всё принадлежит всем.

Кирилл скорчил сомневающуюся гримаску.

– Чужое надо суметь переварить и переработать, тогда будет толк, – с несколько мучительной убеждённостью выговорил он. – А если накладывать чужие черты на себя как грим, то ничего путного не получится.

– Ну уж Канта наши деятели многократно и переваривали, и перерабатывали. Уж что-что, а территория нашей духовной культуры возделана.

– Только эманаций её в реальные, конкретные вещи мало заметно, – сухо заметил Кирилл.

Михаил Юрьевич недовольно дёрнул губами, но продолжать эту нервную тему не стал, а, прибегнув к своему неизбывному добродушию, перешёл на другое:

– А как тебе моя племянница Ирина? Хороша, правда?

– Ирина? Почему ты меня о ней спрашиваешь? Я же очень мало с ней виделся.

– Разве мало? А Ирина тебя оценила. Я это заметил. А ты, видимо, проглядел, что она за женщина. О, совершенно восхитительна! Со вкусом и характером. И нрав у неё веселый, артистичный. Но в то же время она вполне деловая. – Михаил Юрьевич мечтательно лепил свой образ Ирины. – Она наперекор своему отцу ушла из его любимой геологоразведки в геммологию. И хотя продолжает заниматься камнями, но в более подходящем для женщины направлении – исследует в них прежде всего красоту.

– Да ты просто влюблён в свою племянницу, – со смешливой иронией заметил Кирилл.

Михаил Юрьевич, словно очнувшись, расширил на него глаза.

– Ты не так меня понял, – опуская взгляд, произнёс он. – Не всё у неё так уж благополучно. – Он снова поднял глаза на Кирилла. В них чуть темнела тоска, а так, общее впечатление – глаза полны решимости. – Хочу перед отъездом побывать на могиле Канта. Не могу без этого отсюда уехать. Ты на машине?

– Да, тут недалеко стоит.

– Не подвезёшь до острова?

– Это до Кнайпхофа, что ли? – с лукавым вызовом переспросил Кирилл.

– Называй, как хочешь, – бесстрастно откликнулся тот. – Ну ты понял, куда ехать.

В машине, возясь с ремнем безопасности, Михаил Юрьевич пробурчал:

– Остров Канта и есть самое подходящее этому острову название. Делает ему честь.

Пока Михаил Юрьевич сидел с Кириллом в сквере, а потом в машине, он забыл, что сильно натёр ногу. В покое она перестала саднить. Но теперь, идя к острову между пёстрых и шумливых палаток, а потом по тихому Медовому мосту, он снова почувствовал сильное жжение и боль в пятке.

Какая досада! К острову Канта движение должно быть радостным, лёгким и просветлённым. Ведь там более или менее воплощена в реальности территория духа. А тут нога саднит и портит всё дело. Но Михаил Юрьевич наклонённым вперёд корпусом, наперекор боли стремится поскорее попасть

на остров к Канту. Но шаг стопорила натёртость пятки, и Михаил Юрьевич с досадливой мучительностью щурил под набрякшими веками глаза и медленно тащился по плоскому низкому мосту. В конце него клубились кроны деревьев, и массивной воздушностью высился Кафедральный собор. Однако глаза слезились от болезненного жжения в ноге и резко алого заката.

Вот, наконец, под ногами земля острова. Можно остановиться перед его лицом и перевести дыхание. Затем похромать дальше. Вроде и боль, кажется, поутихла.

Обогнув с правой стороны собор, Михаил Юрьевич доплёлся до розового порфира колоннады, углом огораживающей прямоугольной формы гранитное надгробие. Где-то там, в глубине – прах Канта.

И что? Ну да, действительно – колоннада торжественна и изящна, камень отлично отшлифован. Ну и что? Можно, конечно, заставить себя испытать тут какое-то почтительное волнение. Но не будет ли оно несколько натужно и фальшиво?

Нет, с Михаилом Юрьевичем так не будет. Одинокий и глубоко растроганный он способен чувствовать связь между этим надгробным сооружением и тем ценным, что под ним значит.

Михаил Юрьевич склонил голову, прикоснулся к решётке, опоясывающей колоннаду, и слабая улыбка скользнула по его лицу. Мог он при этом прошептать какие-то слова? Скорей всего, да. Что-нибудь вроде: «Привет, привет! Спасибо».

Пока стоял Михаил Юрьевич у могилы Канта, боль в пятке совершенно утихла. И он двинулся твёрдым шагом под высокие тенистые деревья, аллеями тянущиеся от Кафедрального собора вдоль всего острова.

Выросли деревья крепкими и ветвистыми за многие десятилетия, что прошли с тех пор, как посадили их на острове новые обитатели этой территории. Прорывались переселенцы сквозь завалы разбомблённых зданий, добирались до чистой земли и втыкали в неё саженцы. Теперь через весь остров идут тихие тёмные аллеи. Воздух на этих аллеях влажен и свеж. Взбодрившись, Михаил Юрьевич приноровился ступать так, чтобы снова не растревожить натёртую ногу.

Однако стоит, присев на скамейку, снова посмотреть туда, откуда пришёл, и увидеть, как высится на свободной от деревьев маленькой площади похожий своей мощью на крепость, а золотистым декором на замок Кафедральный собор – единственное сооружение на этом острове, которое было поднято из руин.

Умиротворённо шелестит листва. Раскованно и бездельно бродят среди деревьев люди. Умиротворённо взирал на всё это Михаил Юрьевич. Для него здесь царит свободный и чистый дух Канта, ничем не стеснённый, никакими границами и рестрикциями. Да! Пусть останутся тут только собор, надгробие Канта и высокие тихие аллеи. Ничему больше здесь не следует быть.

Так и сказал Михаил Юрьевич в прошлый свой приезд Кириллу: оставьте остров в покое, он стал таким, каким должен быть. Всё, больше ничего там устраивать не надо.

А вот Сергею Анатольевичу очень бы хотелось получить на этом острове участок под застройку. Нужно людям дать жильё? Нужно. А на острове вон сколько незанятой земли да ещё в центре. Зачем такой земле пропадать. Вроде обещали выделить участок вдоль левого рукава Преголи. Конечно, есть препятствия, конкуренция. Да ещё архитекторы воду мутят. Вечно им хочется что-нибудь этакое. Под старину кёнигсбергскую что-нибудь. Якобы исторический облик воссоздать. Да ни-че-го не воссоздашь! Немцы отсюда ушли и их Кёнигсберг тоже. Теперь тут мы. Главное нужно строить добротнo и качественно, без излишеств, но привлекательно. По средствам. На подделки пускать деньги совершенно ни к чему. А что от старого города уцелело, то пусть, для разнообразия стоит. Самим же под них подделываться незачем.

Сергей Анатольевич твёрдо встал у окна своего рабочего кабинета. Упёр взгляд вверх плоских крыш в свинцовое облачное небо Балтики. От созерцания слоистых стального цвета облаков оторвал телефонный звонок. Это Михаил Юрьевич перед отлётом из аэропорта подал голос. Зачем-то ещё раз благодарил за гостеприимство. И совершенно не к месту таким торжественным голосом сообщил, что съездил поклониться Канту на остров и ещё раз убедился, что остров этот такой, как есть, прекрасен. Ничего лучше сделать там невозможно.

III

Дорога, две слабо желтеющие среди травы колеи, проходит по окраине заброшенной деревни. По одну её сторону – сплошная поросль тонких, слабеньких, путающихся друг с другом рябин, ольхи, орешника. Их тесные неряшливые ряды кое-где раздвигают крепкие стволы невысоких берёз. Из этой кучи-малы со временем наверняка возвысятся сильные и стойкие особи,

и поднимется лес. Если, конечно, в это оставленное место не возвратятся люди.

Покинутые ими жилища темнеют среди хаоса одичавших участков по другую сторону дороги. Их, как посчитал мимоходом Михаил Юрьевич, было штук десять. Мог и ошибиться. Так или иначе, опустевших домов было немало. Чернели они, как подгнившие гробы с истлевающими в них остатками жизни.

А вот домов, где в этой деревне, обитают люди, было два. В одном живёт сын Михаила Юрьевича. В другом ещё кто-то. Разговора о том, кто именно, у Михаила Юрьевича с его сыном Максимом не было. Но видимые через штакетник забора сушившееся бельё и опрятные грядки подсказывали, что живут там люди семейные и, скорей всего, хозяйственные.

Чем дальше от деревни, тем большую силу обретала растительность, и уже начали появляться первые признаки близкого леса. Под августовским, ещё полным полуденной силы солнцем Михаилу Юрьевичу нести своё грузное тело было нелегко. Однако временами он взбадривался и шёл наравне с сыном по параллельной колее. И всё же чаще он тащился за его спиной, предоставляя Максиму первому рассекать плотно жужжащий насекомыми воздух.

– Скоро уже дойдём, – обещал Максим пыхтевшему позади него отцу.

Михаил Юрьевич бросал в спину сына недовольно испытующие взгляды. Максим двигался уверенным, но странно для его длинных ног мелким шагом. Корпусом он подавался вперёд, словно движение собственных ног не поспевало за его устремлённостью вперёд.

Неожиданно окружавшие их заросли расступились, и открылось свободное от них пространство. В центре него зыбко искрилась огоньками отражённого солнца водная гладь.

– Ну вот, пришли, – объявил Максим. – Не знаю почему, но это озеро называется Тёмным.

– Видимо, раньше вокруг него рос густой лес и закрывал его от солнца, – предположил Михаил Юрьевич. – Вон на том берегу остатки того, что было.

Через озеро на другом, песчаном осыпающемся косогоре разбросанно стояли зелёновато-медные сосны. Колонны их стволов венчались изгибчатыми ветвями с плотными пучками хвои. Сосны стойко держались за землю, на которой, видимо, когда-то рос могучий сосновый бор.

Максим снял кеды и, ступая босиком по топкой тропке, пошёл к воде. Не разуваясь, Михаил Юрьевич последовал за ним, но, сделав несколько шагов, снял, кряхтя, тонкокожие лёгкие ботинки. Засунув в карман носки, зашлёпал босыми ногами вперёд, стараясь не отстать от сына.

На подходе к озеру земля приподнялась и стала твёрже. Ступив вниз с небольшого откоса на отмель, отец и сын встали рядом на узкую песчаную полосу. Мягко касаясь пальцев их ног, мерно набегали короткие волны озера. Очерченное неровной, овально вытянутой линией берегов, оно спокойно дышало в своих границах. Шёл мирный период его существования. Люди здесь не действовали, а растительность не наступала на его водную жизнь.

Стянув с себя одежду, Максим вошёл в воду. Несколько раз омылся по горло. Раздумчиво постояв, окунулся с головой. Возвратился на берег со стекающей по всему телу водой. Сел на травянистый бугор и, закрыв глаза, подставил себя солнцу. Тело его, потемневшее от влаги, мужественно блестело. Михаил Юрьевич потянулся к своему отпрыску и опустил на землю рядом с ним. Сначала с явным удовольствием переживал близость сына, а потом вдруг насупился.

– Ну хорошо, положим, летом здесь есть, чем заняться, – допустил он. – Но зимой? Что ты будешь делать зимой? Может, всё-таки вернёшься в Москву?

– Буду кур разводить. Или перепёлок. – Максим открыл глаза и приложил руку козырьком ко лбу. – Вон вроде гусь летит.

Крылатая точка вдаль сделала дугу над сосняком. Михаил Юрьевич взглянул на неё мельком и снова перевёл тревожный взгляд на Максима.

– Нет, знаешь, ты всё-таки безответственно себя ведёшь, – тяжело выговорил он. – У тебя жена работает, зарабатывает, а ты тут прохлаждаешься.

Максим откинулся назад на согнутые в локтях руки.

– Я уже достаточно заработал. И всё у жены. Вполне могут прожить без меня. А я пока тут.

– Пока? – поймал его на слове Михаил Юрьевич.

– Может, и навсегда. – Максим поднялся на ноги и стал одеваться.

– Да какой из тебя сельский житель! – в сердцах воскликнул его отец.

– Я просто житель. Ни деревенский, ни городской, – устало заявил Максим. – Могу себе это позволить. Я уже отдал дань этому вашему прогрессу. Хватит. Пусть теперь идёт без меня.

– И будет идти, – поспешно заверил Михаил Юрьевич. – Да, пусть сквозь тернии, но к звездам! – Он явно начинал сердиться. – Можешь сколько угодно дуться на то, как развивается наша цивилизация, но она развивается, будешь ты в этом участвовать или нет. Но стыдно жить за счёт тех, кто работает.

– Что, покончить с собой? – вдруг на истеричной ноте выпалил Максим.

– Да бог с тобой! – испуганно воскликнул его отец. – Ты что?! Вот кур будешь разводить. Тоже польза.

– Да не хочу я никакой пользы. Надоело это – польза, прибыль, приумножение... Вот, где это у меня. – Максим полоснул ребром ладони по горлу.

Михаил Юрьевич в смятении кинулся к сыну и прижал его к себе. Максим ткнулся лицом ему в грудь. Поглаживая его по голове, Михаил Юрьевич приговаривал; – Живи, как хочешь, но только живи. Ведь нам только и дано, что жизнь.

Максим отлепился от отца и отошёл на пару шагов, потирая ладонями лицо.

– Ладно, отец, всё нормально, – заверил он. – Всё хорошо. Здесь интернет ловит. Потихоньку заказы делаю.

– Ага! – обрадовался Михаил Юрьевич. – Вот, интернет ловит. Значит, жизнь продолжается.

Пока ничего другого не возникло, он поспешил предложить:

– А давай уже пойдём обратно.

Надевая кроссовки, Максим буркнул в землю:

– Даже если тут пропаду, не вернусь.

Михаил Юрьевич не мог это расслышать, с приятной отрешённостью он прощально смотрел на озеро.

Обратный путь шёл при ослабевшем предзакатном свете. Максим двигался с апатичной медлительностью, а Михаил Юрьевич, как конь на пути к дому, шагал шустро, с уверенной устремлённостью.

Следующий день начался в Плетнево при мелком дожде. По дороге от такси через сад к дому Михаил Юрьевич промокнуть никак не мог. Слабый был дождик. Открывать зонт не было смысла. Только под куртку нужно было спрятать упаковку привезённого с Балтики угря.

Дверь Михаилу Юрьевичу открыла его мать. Из проёма на свежий воздух вынесся аромат свежесваренного кофе. Внутри этот запах смешался с тёплым тонким духом старого жилья. Как же он знаком и близок. Морщившееся под дождём лицо Михаила Юрьевича разгладилось и просветлело.

– Ну как там держится наш Кёнигсберг? – вопрос сыну от матери, налившей ему чашку кофе за кухонным столом.

Никакого любопытства в вопросе не было. Михаил Юрьевич так же, без всякого выражения ответил:

– Всё идёт, как и везде. По мере сил.

– А наши родственники, надеюсь, благополучны?

– Они-то? Вот они-то живут мирно, – многозначительная вежливость в ответе.

– Ну и мы в целом не ссоримся, – спокойно пристальный взгляд на сына.

– Значит, с Лизой у вас наладилось?

– Конечно. Всё в порядке вещей. А то, что Лиза со мной почти не разговаривает, так на это не стоит обращать внимание.

– Да? – усомнился Михаил Юрьевич.

– Хочешь ещё кофе?

– Мама! – Михаил Юрьевич потянулся к её руке и сжал постукивающие по столу пальцы. – Что тебе пришло в голову придти в суд с какими-то старыми документами, не имеющими никакой силы.

– Так ведь тоже самое сделали Хвощёвы.

– А ты-то зачем?

– Чтобы показать абсурдность споров.

– Но ты только затянула дело! И вообще, зачем ты хранила эти документы!

Анна Андреевна с тонкой улыбкой взглянула на сына.

– И это говоришь ты, историк? Это же свидетельства нашей жизни. Какова она есть

– Ну знаешь! – пыхнул Михаил Юрьевич. – Не надо путать божий дар с яичницей.

– Господи! – мягко поразились Анна Андреевна. – И что тут что?

– А то, что Лиза отстаивает наш дом. Дом, который построил твой... наш предок! – провозгласил Михаил Юрьевич.

– То, что стало сейчас, совсем не то, что строил мой дед, – жёстко постановила Анна Андреевна.

– Нет, ты не права. Здесь многое осталось тем, что было тогда.

– Только в воображении.

– И в реальности тоже.

– Ты имеешь в виду стены? Так их тоже скоро не будет. Нельзя же запретить Хвощёвым делать то, что они хотят, со своей половиной. А они собираются сносить её и строить новый дом на другом конце участка. А это оголит нашу половину, нарушит фундамент и начнётся разрушение, – предрекла Анна Андреевна.

Михаил Юрьевич слегка оторопел, потом отмахнулся и изрёк:

– Ну не знаю. Но должен же быть какой-то выход.

– Об этом говори с Лизой.

– А может попробовать договорится с Хвощёвыми? Чтобы избежать разрушения.

– Всё так запутано, – отрешённо выговорила Анна Андреевна. – Вряд ли найдётся утраивающее всех решение. К тому же, как я слышала, судья – какая-то родственница Хвощёвых.

Михаил Юрьевич колыхнулся всем своим солидным телом, посмотрел мрачно на мать и пошёл к двери. Анна Андреевна провожала его печально сожаляющим взглядом. Не очень, видно её устраивало то, что происходит с её первенцем. А может, вид стареющего сына немилосердно указывал ей на то, как стара, совсем стара она сама стала.

В коридоре Михаил Юрьевич столкнулся с Елизаветой. Сестра нацелено, не глядя по сторонам, готова была уже войти на кухню, когда Михаил поймал её под локоть и потянул за собой на выход из дома. Перевес был на стороне грузного брата, и Лиза неохотно, сбивчивым шагом покорила его движению наружу.

– Что? – потребовала она, когда они спустились на площадку перед террасой. – Что тебе от меня надо?

– Сейчас, сейчас, – отдыхиваясь, попросил Михаил.

Вид запыхавшегося брата смягчил Елизавету, она снисходительно вздохнула и кивнула на скамейку у стены.

Михаил Юрьевич сидел теперь, свесив между коленями руки и, похлопывая ладонями, всё ещё молчал. Лиза откинулась назад и упёрла затылок в стену террасы. Куда-то вверх, в воздух тусклым голосом проговорила:

– Не знаю, что тебе наговорила мама, но она добилась только того, что дело отложили на неделю. А могло бы кончиться в тот же день, и наверняка в нашу пользу.

– Лизонька, – развернулся к ней Михаил, – не может быть никаких причин быть с мамой в раздоре.

– Да? – взвинчено воскликнула Лиза. – Но она же показала, что ей безразлично, чем кончится разбирательство. Но если Хвощёвы выиграют дело, дому конец. Не понимаешь? Дом сгниёт. Они же, я уверена, планируют свою половину снести. Уже начали строить новый дом на другой стороне участка. Так что они только того и добиваются, чтобы нашего дома не было!

– Нет, как-то ведь можно договориться, – настаивал Михаил.

– С Хвощёвыми? Ты что! – Елизавета издала презрительный хмык. – Этот их глава, Олег, с самого начала нас игнорировал. Я пыталась, когда они только появились, ближе с ними познакомиться. Куда там! Мы для них голытьба, нищая интеллигенция. А вот они! Этот их Олег – владелец какой-то большой компании. Мне говорили: раньше жил в соседнем посёлке, отец его был каким-то работягой на нашей фабрике, когда она ещё была. Вот так – из грязи в князи.

– Лиза, Лиза, подожди, остынь, пожалуйста. – Михаил страдальчески морщил лицо, пытаясь то тронуть Лизино плечо, то отстраняясь. – Зачем так! Не накручивай.

Но Елизавета на взводе продолжала:

– Знаю я таких! У меня в классе есть пара таких учеников. Уж не знаю, как они в нашей школе оказались, а не в какой-нибудь элитной. Наглость у них невероятная. Никто так бессовестно не грубит, как они. А их родители жалуются директору, что с их чадами плохо обращаются. И что ещё хуже: директор от них зависит: они дают деньги на школу. Но я буду сопротивляться! – ожесточённо выпалила Лиза.

– Хорошо, хорошо, спокойнее. Я вообще не могу понять, как мог суд принять иск Хвощёвых к рассмотрению. Это же какая-то нелепость.

– Да у них судья – родственница, – презрительно хмыкнула Лиза и с усталой улыбкой махнула рукой. – Ладно, Миха. Тебя Плетнево давно не интересуется. Но что обидно: мама вылезла в суде с какими-то непонятно о чём, неизвестно откуда взявшимися документами. Какой-то фарс из суда сделала, и судья, по-моему, разозлилась.

Михаил с нежной, сочувственной жалостью глядел на сестру, слегка, мерно и медленно покачивая вверх вниз головой.

– Я тебя прошу, Лиза, – тихо выговорил он, – будь к матери снисходительней. Никакого умысла против тебя у неё не было. Может, она просто хотела показать абсурдность вашего с Хвощёвыми спора.

– Абсурдность?! – нервно хохотнула Лиза. – Абсурдность, что я сопротивляюсь их бессовестным посягательствам? Да, возможно, я могу проиграть, но я хотя бы сопротивляюсь! – провозгласила она.

– Ну хорошо, хорошо, – замахал на неё руками Михаил. – Суд разберётся. Хотя повторяю, у меня в голове не укладывается, как вообще суд мог взять это дело для разбирательства.

И тут на дорожке к дому возник муж Елизаветы. Жилистый, крепкий, с обветренным до красноватой задубелости лицом Иннокентий. Михаил Юрьевич с удивительной проворностью кинулся ему навстречу. Теперь есть кому передать разбушевавшуюся Елизавету, а самому ретироваться в дом.

Иннокентий опустился на скамейку рядом с женой. Детали происходящего не были ему важны, достаточно того, что он видит: жена в мучительном оцепенении, только крылья ноздрей нервно подрагивают. Однако спину держит предельно выпрямленной – это всё её неизбывное упрямство и всегдашняя уверенность в своей правоте. Такой она создана: чем больше на неё давишь, тем сильнее она отвердевает. И что тут мужу делать? Иннокентий не нашел ничего иного, как начать насвистывать то, что напоминает о конях, которые «хочут к водопою». Лиза взяла мужа под руку и, прижавшись, положила голову ему на плечо. Иннокентий удовлетворённо принял это её движение.

Время близилось к полуночи, когда глава семейства Хвощёвых предстал перед женой, сидевшей в большой комнате старого дома за кроссвордом. Был Олег усталым и навеселе. Плюхнулся на диван подле кресла жены. Прядь его волос чёлкой прилипла ко лбу. Отяжелевшие веки оставляли узкие отверстия для голубовато-серых, с влажной тусклостью глаз. Временами веки совсем слипались.

Жена пошла на кухню и сделала мужу кофе. Протянула ему одной рукой кружку, другой толкнула в плечо, потребовав рассказать, где был, что делал.

Так ведь у судьи был. У Софьи. Вот умудрилась сделаться больной, так, во всяком случае, утверждает. Что там на самом деле, кто его знает. Говорит, что скачет давление и почки шалют, на работу вряд ли выйдет в ближайшее время. Такого от неё никак не ожидал. Даже не встала, когда пришёл. Всё время лежала под пледом на диване. Вот и пришлось бутылку коньяка пить

одному. И что надумала! Чтобы дело передали другому судье. Это кому же? Нет, будем ждать её. Адвокат тоже так считает.

– Да отцепись ты от этих Кориных, – ровным, скучным голосом увещевала его жена. – Ну на самом деле? Так уж нам нужны эти две сотки? Да и то, что забор впритык к нашему окну, уже неважно. У нас теперь вон какой участок, и скоро будет новый дом. А этот старый снесём и все дела.

– Да ты не понимаешь! – Лицо Олега стянула ожесточённая гримаса. – У этого семейства такое о себе самомнение! Мы для них пыль дорожная. Нет, у меня с их домом свои счёты.

Не прошло и мгновения, как поскрипывающую вздохами старой древесины тишину расколол возглас оказавшейся в дверях Ксении:

– И что у тебя с ними за счёты?

Олег слегка оскалился в усмешке и, поднявшись с дивана, подошёл к дочери. Потрепав её, вызывающе застывшую, по щеке, покинул комнату.

– Мама? – переключила на неё свой вопрос Ксения, – Что это за счёты?

Та только отмахнулась и сама задала вопрос:

– Отправная точка движения? Не подскажешь? Четыре буквы.

– Не знаю. Так что за счёты у отца с нашими соседями?

– Это его дело. Спроси у него.

– До чего всё это нелепо! – Ксения плюхнулась на то же место, где до этого сидел её отец. – Какие-то две сотки!

– Две сотки – не так уж и мало, – без отрыва от кроссворда было заявлено. – Ничего нет нелепого в том, чтобы расширить свой участок.

– Да, кстати, – оживилась Ксения. – У меня проблема со студией. Дом, оказывается, числится как памятник архитектуры. Грозятся выселить для реставрации. К тому же мне там тесно. Надо приглашать людей и выставлять свои работы.

– Двадцать метров мало? Да ещё в центре.

– Поговори с отцом. Пусть что-нибудь придумает. Ну, мамочка!

Та кивнула и, пододвинув ближе к своему креслу торшер, углубилась в кроссворд. Ксения с неожиданной воодушевлённой пристальностью взгляделась в крупный белый овал её лица, выделявшийся на фоне тёмной обивки кресла. Бледный лик луны, светящийся на темном небе отстранённо, и всё же такой родной.

Ксения сорвалась с дивана и вынеслась из комнаты. Вернулась, прижимая к груди фотоаппарат. Перемещаясь перед матерью, она стала наводить объектив и щёлкать затвором. Потом вдруг снова исчезла. Вернулась с горячей сигаретой. Опустилась на корточки перед матерью и напустила на неё голубоватый дым. Та снесла это, равнодушно глядя в объектив. Пощёлкав камерой, Ксения, наконец, закрыла крышкой линзу. Чмокнув мать в щёку, с довольным видом оставила её одну.

Осенняя солнечная прозрачность установилась в городе после слякотных дней начала октября. В розовато-жёлтые цвета окрашивали лучи солнца каменные и стеклянные стены домов. Отливали сиреневым те, что оставались в тени. Красочно расцвечен город. Для какого нового акта сменилась декорация? Действующие лица своими появлением и исчезновениями это дело никак не проясняют. Двигаются и выглядят, как и в слякотные дни – деловито озабоченными или отстранённо спокойными. Разве что в этот день не прикрываются зонтами и ступают по тротуару без прежней зябкой осторожности.

Вот и Ксения с Ириной идут по солнечной стороне улицы в нацеленной спешке, не глядя по сторонам. Маршевый ритм их движения, отрывистость разговора и твёрдая подобранность тел никак не вяжутся с разукрашенной солнцем и ветром праздничностью городских стен и неба.

Однако на лицах этих двух поспешно идущих женщин нет равнодушия. Глаза их возбуждённо расширены и, словно что-то чуя впереди, их ноздри подрагивают.

Если так не может на них действовать ни ярко расцвеченный солнцем городской пейзаж, ни ласкающий южной теплотой ветер, тогда что?

Ну положим так: они взволнованы тем, что спешат на встречу с человеком, которого ни разу в жизни не видели. Единственное, что они знают – зовут его Пётр Алексеевич, из Тюмени, ценит необработанной красоты янтарь. И ещё – явно при деньгах: щедро, не торгуясь, заплатил за присланные ему камни.

Встреча назначена в ресторане, на тихой улице в центре. Добираться туда пришлось в пробках, поэтому они опаздывают.

Ресторан оказался почти пуст. В дальнем углу у окна сидел в одиночестве мужчина и смотрел на вход в зал. Появившихся женщин приветствовал взмахом руки. Ирина с Ксенией направились к нему.

Подавший знак мужчина был узколиц, скуласт, бледно смугл. Курчавые с сединой волосы коротко стрижены. На переносице темнела перемычка очков, сами очки были почти невидимы. Зато рот с глубокими складками по бокам и неяркими, чувственно очерченными губами был весьма заметен.

Пётр Алексеевич? Он самый. Мужчина приподнялся, оправляя на себе мягкий пиджак в зелёновато-коричневую крупную клетку. Взгляд на женщин оценивающе энергичен, при этом глаза остаются непроницаемы. Похоже субъект этот себе на уме. Что настораживает.

Ксения, вздёрнув подбородок, слегка поджала губы. Украдкой, Ирина окинула настороженным взглядом зал. Эта территория того, кто сюда пригласил. Пусть на время, но он здесь хозяин.

Пётр Алексеевич опустил взгляд с женщин напротив него и проверил стоявшие на столе закуски. Затем он удобнее устроился в маленьком кресле и снова поднял глаза на Ирину и Ксению. Теперь на его губах красовалась ясная улыбка, скулы порозовели, но взгляд оставался холодноватым, и не произносилось ни слова. Женщины выжидательно подобрались. Ксения нашла скрытую свесом скатерти Ирину руку и сжала её.

На столе была уже приготовлена бутылка вина. Пётр Алексеевич умело разлил его по бокалам. Звякнул своим о Ксенин и Иринин. Звон вышел глухой и короткий. Зато слова благодарности за прекрасный присланный ему янтарь прозвучали у Петра Алексеевича с ласкающей звонкостью. Ирина с Ксенией переглянулись и приосанились

Да, всё теперь, наконец, так, как надо. Радушно. Друг к другу располагающе. Отчего бы тут не заметить, что повезло с погодой. А за городом вообще, должно быть, сказка. Там есть старый дом с чудесным садом. Так ведь и в Тюмени имеется, можно сказать, загородная вилла. В лесу у озера. Разве в Тюмени есть лес? Там вроде бы сплошная тундра. Нет! Там замечательные сосняки и берёзовые рощи. Холмы с густым лесом. Реки с обилием рыбы. Простор, дикая природа, сотни километров никем не занятой земли.

После оленины под бешамелью на Ирину напала сладкая дремотность. Сквозь неё Пётр Алексеевич виделся ещё более прекрасным.

А Ксения бодро вела с Петром Алексеевичем разговор о современной фотографии. Тюмонец отдавал предпочтение

чёрно-белой, а Ксении по нраву игра с цветом. Это по молодости так, по молодости, определил Пётр Алексеевич.

И тут вдруг Ксения взбрыкнула и задиристо выпалила:

– А чем вы, Пётр Алексеевич, собственно занимаетесь? Что вы вообще делаете?

– Чем занимаюсь? – Пётр Алексеевич хохотнул. – Прежние свои грехи замаливаю, вот чем. А их у меня ох, как мно...го, – устрашающе выговорил он и сделал жуткие глаза.

Тут Ирина очнулась от своей дремоты, а Ксения, хмыкнув, слегка отпрянула и бросила в сидящего напротив колкий вопрос:

– А, что, нынешних у вас нет?

– Да какие у меня могут быть теперь грехи! – с шутливой беззаботностью парировал Пётр Алексеевич. – Я уже отошёл от прежних своих дел. А, вот ещё, чем занимаюсь – храм строю.

– На спасение рассчитываете? – не унималась Ксения.

– Спасение? – удивлённо переспросил коллекционер. – Здесь? Нет. Спасения, как и справедливости, для нас здесь нет.

– Для кого это «нас»?

– А для всех, кому дано здесь жить.

– Не похоже, чтобы вы были недовольны своей жизнью, – насмешливо заметила Ксения. – Вон в своё удовольствие янтарь коллекционируете.

– И не только янтарь. Ещё перья экзотических птиц. Шкуры змей. Кости мамонтов.

Ксения недоверчиво фыркнула и откинулась на спинку кресла. Ирина не сводила с неё встревоженный взгляд.

– Приезжайте в Тюмень, покажу, – живо предложил Пётр Алексеевич.

– Больно далеко, – с деланной ленцой отозвалась Ксения и, откровенно зевнув, потянулась за сумочкой, висевшей на спинке кресла.

– Неужели уже хотите идти? – удивился Пётр Алексеевич. – А как же десерт? Нельзя же без сладкого. Тут прекрасный выбор. Я хоть и не москвич, но знаю.

Нет уж, всё, хватит. Женщины согласно решили, что пора ехать домой.

– Надеюсь на дальнейшее сотрудничество, – учтиво выразился Пётр Алексеевич, провожая женщин на выход. Те неопределённо кивнули и плечом к плечу протолкнулись через дверь наружу.

Путь на стоянку к машине прошёл в недовольном молчании. Захлопнув за собой дверцы автомобиля, женщины расслабились и пристегнули ремни безопасности.

Ирина направлялась в Плетнево. Ехать туда Ксения не собиралась и вышла у метро. Придержав дверцу машины, сказала напоследок: «Передай своей маме, что я говорила с отцом. Он не отступит. У него к вашему семейству какие-то свои счёты. Так что он будет ждать, когда вернётся его судья».

Выбелена территория снегом. Засыпана глубоким ледяным песком. Холодная безжизненная белизна. Вымороженный, стерильно чистый воздух. Скованный зимой мир тих и льдисто узорчат.

Без признаков жизни темнеют среди сугробов и старый поделённый дом, и отдалённо от него недостроенный новый. Покинуты. До весны? Должно быть так. Пригреет ведь солнце, и земля оттаёт. Чтобы, плодясь и расширяясь, возобновилась жизнь, а дух над ней невидимо витал.

- Вот вымою окна – станет светлее.
- Эту коробку сюда, потом разберу.
- Не пора ли перекусить?
- Сегодня закончат, завтра можно будет въезжать.
- Не надо кричать, и так всё понятно.
- Эта рассада для бордюра.
- Не трогай забор. Пока держится, пусть стоит.
- Сюда надо подсыпать землю.
- Нет, так не пойдёт.
- Когда-нибудь здесь будет полный порядок.
- Крутишься, крутишься, а толку чуть.
- Какой чудный день.